
БУДУЩЕЕ — ЕГО ВЫБОР.
ЖИЗНЬ УКРАДЕННАЯ ДВАЖДЫ
ARKHANID ENGINEER
18+
АВТОР
СЕРГЕЙ ЗБЫРНЯ

Сергей Збырня

Жизнь украденная дважды

«Автор»
2026

Збырня С.

Жизнь украденная дважды / С. Збырня — «Автор», 2026

Если под жизнью одного человека подвести черту, то в большенстве случаев только она и останется - черта.Но если нужно, чтобы под этой чертой осталось что-то ещё — память, знание, цивилизация, будущее — одной жизни недостаточно. Иногда нужны тысячи. Иногда — миллионы.А иногда человек должен успеть сделать то, чего одна человеческая жизнь сделать просто не может.Элион всегда считал, что время — всего лишь ещё один ресурс, который можно правильно рассчитать. Он ошибался.Потому что существуют вещи, цена которых измеряется не временем одной жизни.И существуют дороги, которые начинаются с одного человека, а заканчиваются там, где заканчивается целая цивилизация.Некоторые дороги, однажды начатые человеком, продолжаются намного дольше, чем может прожить сам человек.«Жизнь, украденная дважды» — научно-фантастический роман о времени, выборе, страхе, свободе и цене, которую приходится платить за попытку оставить после себя не просто жизнь, а след.

© Збырня С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава первая " Вырванный из рая" 5
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Сергей Збырня
Жизнь украденная дважды

Глава первая " Вырванный из рая"

Тусклый свет аварийного контура едва освещал кабинет. Сирены тревоги выли без остановки, надрываясь так, словно ещё могли что-то исправить. Но нет. Уже поздно.

Я медленно опустился в кресло и посмотрел в окно. Где-то там, за багровым горизонтом, совсем скоро появятся первые стаерсы Арханидов. Чудовищные машины вторжения. Входя в атмосферу, они разделятся на тысячи смертоносных тактик-штурмовиков и обрушат на поверхность миллионы воинов. Когда-то я, как инженер, искренне восхищался их технологическим совершенством. Сегодня эти машины несут конец моему родному миру.

Двери кабинета герметично заблокировались. Под потолком гулко загудела вентиляция, запуская систему очистки воздуха. Я перевёл взгляд на модулятор тактической проекции, над которым медленно вращалась голограмма Галактики. Тяжело поднявшись, я подошёл ближе.

— Где-то здесь, правее Великого Войда... — я протянул сухую, дрожащую от старости руку, и коснулся мерцающего луча.

В ответ вспыхнула крошечная зелёная точка.

— Да. Именно здесь.

Несколько секунд я молча созерцал этот далекий мир. Мир, который когда-то стал моим настоящим домом.

— Там живут Арханиды. Жестокие. Сильные. Безжалостные. Они превосходят нас не только технологиями. Боюсь, во многом они превосходят нас нравственно.

Я вернулся в кресло. Голова раскалывалась, но это уже не имело значения. Скоро всё закончится. Я смотрю на предсмертные судороги этой цивилизации и вспоминаю глупого девятнадцатилетнего мальчишку, которым я был когда-то. Холёного, самовлюбленного гения, который верил, что построил идеальный мир. Мальчишку, у которого ещё не украли жизнь. В первый раз...

Странно. Всю жизнь я создавал машины, которые говорили вместо людей, а теперь сам не мог подобрать нужных слов.

— Центральный архив. Личный протокол. Уровень доступа — после моей смерти.

На панели вспыхнул зелёный индикатор.

— Запись начата.

Я усмехнулся и некоторое время смотрел на мигающий огонёк.

— Через несколько часов ваша цивилизация перестанет существовать. Да, именно ваша, не моя. Я давно уже не принадлежу этому миру. Наверное, сейчас меня назовут предателем, чудовищем или безумцем. Возможно, вы будете правы. Но прежде чем судить меня, выслушайте историю до конца.

Всё началось в тот день, когда одна девушка решила доказать мне, что умеет перемещаться в пространстве. Нет, не во времени. Именно в пространстве. Мгновенно. На любые расстояния. Для неё расстояние никогда не было препятствием. Лишь условностью, которую можно было преодолеть одним шагом. Тогда я не поверил ни единому её слову. Если бы я только знал, чем закончится тот разговор…

Мне было девятнадцать лет. Совсем мальчишка. Нежный, наивный, до безумия увлечённый наукой подросток. Сейчас я понимаю, что по уровню эмоционального развития немного отставал от сверстников. Меня интересовали не отношения, не развлечения и даже не собственное будущее. Я жил мечтами о великих открытиях, о путешествиях к далёким звёздам, о

тайнах пространства и времени, которые однажды смогу разгадать. При этом, как мне рассказывали позже, внешность у меня была весьма примечательная. Чёрные прямые волосы, тонкие черты лица, большие глаза с открытым и внимательным взглядом и слегка зеленоватой радужной оболочкой. Во взгляде томилась какая-то странная задумчивость, которую многие принимали за мудрость, хотя на самом деле, это была всего лишь бесконечная сосредоточенность на собственных мыслях. В меня влюблялись, меня обожали, меня ненавидели. Теперь, оглядываясь назад, я понимаю это совершенно отчётливо: равнодушных почти не было. Я нравился девушкам. Многие нравились и мне. Но всё это словно существовало где-то на периферии моей жизни, будто было отложено на потом. Мой разум был занят другим. Технические идеи рождались одна за другой и требовали внимания, времени, сил. Казалось, мой научный дар стремится заполнить собой всё пространство вокруг, не оставляя места для чего-либо ещё. Я был ребёнком, которому слишком рано доверили взрослые задачи. Девушки пытались со мной подружиться, и я никогда не возражал. Вот только дружить с ними совершенно не умел. Наверное, время для этого ещё не пришло.

Как раз тогда, этот мальчишка представил техническому совету свою новую концепцию. О, это была настоящая сенсация. По крайней мере, ему тогда так казалось. Речь шла о принципиально новом способе передачи информации через межзвёздное пространство. Я предложил использовать эфирные флуктуации вакуума для формирования эхо-сингулярных каналов связи. Если говорить проще, расстояние переставало быть ограничением. Сигнал мог распространяться практически мгновенно, минуя классические ограничения квантовой запутанности и используя более глубокий уровень взаимодействия — вазоидные колебания пространственного поля Вселенной. Звучит непонятно, правда?

Я невольно улыбаюсь когда рассказываю людям такое. Они почти ни чего не понимают из сказанного, но делают вид, что в курсе событий. Это даже забавно. Не удивительно. А ведь когда-то, этот маленький гений, мог часами объяснять подобные вещи любому желающему. Он действительно был маленьким гением. Одним из тех редких счастливчиков, которые иногда замечают то, чего не видят остальные.

Тот бесконечно долгий день не предвещал никакой беды. Мой юный симпатичный гений, как обычно, шёл по прозрачному переходу между исследовательскими комплексами. В девятнадцать лет ему уже доверили собственный проект в Синтариуме Центрального Гелиона. Для юноши его возраста это считалось огромной честью и почти невероятной удачей. Впрочем, тогда он воспринимал это как нечто совершенно естественное.

— Запись стоп. Удали последнее предложение. Это теперь уже не важно.

Я снова встал с кресла и подошел и подошел к двери. Две защищённые створки плотно сомкнулись сделав это помещение не преступной крепостью. Я приложил ладонь к створкам и прислушался, — тихо.

— Хорошо. Продолжить запись.

На панели снова вспыхнул зелёный индикатор.

— Запись начата.

Где-то на середине перехода наш гений останавливался. Так происходило почти каждый день. С высоты нескольких сотен метров открывался удивительный вид на город. Он раскинулся далеко внизу, органично вписанный в природный ландшафт между океаном, Цветочной долиной и янтарными холмами Гуавры. Архитекторы нашей цивилизации никогда не воевали с природой. Они предпочитали договариваться с ней.

Я стоял, облокотившись на прозрачное ограждение, и любовался этим пейзажем. Между башнями сигнатурных комплексов медленно скользили арлаторы — воздушные транспортные платформы. Их серебристые корпуса отражали солнечный свет, словно стая огромных птиц парила над городом. Именно тогда я увидел её впервые. Она шла ему навстречу, а я стоял, заворожённый открывавшимся видом, и даже не собирался обращать на неё внимания. Она

замедлила шаг. Мальчишка стоял, как обычно, поглощённый своими мыслями и любованием открывавшимися видами. Подойдя совсем близко, девушка тихо спросила:

— Нравится вид?

Он тогда очень удивился. Незнакомая девушка так легко и свободно начала разговор. Сам он никогда бы так не смог. Заговорить первым с незнакомой девочкой казалось ему чем-то совершенно невозможным.

Всё, что мальчишка тогда сумел ответить, было короткое:

— Да.

Девушка слегка улыбнулась.

— А ты не очень-то разговорчивый.

И снова единственное, что он смог выдавить из своего красноречия, оказалось предельно лаконичным:

— Да.

Сейчас я вспоминаю это и невольно улыбаюсь. Тот мальчишка мог часами рассказывать о плазменном синтезе, пространственных флуктуациях или квантовых моделях Вселенной, но стоило рядом оказаться красивой девушке, как весь его интеллект куда-то бесследно исчезал.

Она снова улыбнулась. Затем осторожно взяла его ладонь в свою и чуть слышно прошептала:

— Приходи сегодня на шестой уровень. У криогенетиков будет весело. Придёшь?

На этот раз мальчишка оказался готов к вопросу. Его красноречие буквально прорвало заслон оцепенения.

— Да, конечно.

Её улыбка стала ещё шире. Она слегка качнула головой, отпустила его ладонь и продолжила путь. Девушка даже ни разу не оглянулась, словно заранее знала, что он тоже не станет смотреть ей вслед. А он действительно не смотрел. Просто стоял возле прозрачной стены и пытался понять, что сейчас произошло. А ведь он, даже не спросил её имя. Но, он точно знал, сегодня он ещё её увидит.

В испытательном модуле всё было готово к большому скачку. Именно так участники проекта называли испытания нового комплекса сверхдальней связи. Название было неофициальным, но прижилось настолько хорошо, что его использовали даже в служебной документации. Я уже рассказывал, над чем работал тот мальчишка. В тот период его группа занималась созданием технологии эхо-сингулярной передачи данных. Если отбросить научные термины, задача сводилась к невозможному: научить информацию перемещаться быстрее света без использования традиционных каналов связи. Научный совет считал проект перспективным. Финансовый совет считал его безумным. А мы считали, что оба совета правы.

Когда Элион вошёл в модуль, большая часть подготовительных протоколов уже была завершена. Вдоль стен мерцали диагностические панели, над центральным ядром связи плавали трёхмерные схемы расчётов, а автоматические системы в последний раз сверяли параметры эксперимента.

— Ты сегодня припозднился, — с усмешкой заметил его друг и помощник.

Его звали Афиларгас. Ещё один гений. Пространственно-квантовые вычисления? Четырёхмерные пространственно-цифровые конструкции были его стихией. Если бы вселенная состояла из деталей гигантской головоломки, он сумел бы собрать её заново. Более того, сначала он вычислил бы, сколько деталей потерялось при сборке.

— Я сегодня познакомился с красивой девушкой, — ответил Элион. — Немного поболтали.

Афиларгас удивлённо поднял брови.

— Уже интересно. И как зовут эту прекрасную незнакомку?

Мальчишка тогда, немного замялся. Врать он совершенно не умел. А сказать было нечего.

— Её зовут... Прекрасная Незнакомка.

— Понятно, — серьёзно кивнул Афиларгас. — Значит, продолжения истории не предвидится.

— А вот и предвидится. И прямо сегодня вечером.

— Теперь мне ещё интереснее. Где встречаетесь?

— У криогенетиков. На шестом уровне.

Афиларгас несколько секунд молча смотрел на него.

— Элион, у криогенетиков даже бактерии впадают в спячку от скуки.

— Не преувеличивай.

— Я однажды слушал их доклад о перспективах низкотемпературной консервации микроорганизмов. После третьего часа мне захотелось добровольно заморозить себя вместе с ними.

Элион невольно рассмеялся.

— Тогда хотя бы уведи её оттуда пораньше. Покажи город. Поговорите. Узнай о ней что-нибудь.

— Например?

— Например, как её зовут.

На этот раз рассмеялись оба.

— А если серьёзно, — продолжил Афиларгас, — не упусти свой шанс. Научные открытия никуда не денутся. Поверь человеку, который последние время, общается исключительно с вычислительными системами.

Мальчишка слегка покраснел.

Сейчас, спустя столько лет, я понимаю, насколько точно он тогда всё сказал. Но в тот момент Элион думал совсем о другом. Где-то глубоко внутри он уже ждал вечера и новой встречи с девушкой, имени которой даже не знал.

Я медленно прохаживался по кабинету, время от времени поглядывая в окно. Ждал. Да, именно ждал. Ждал, что ещё успею увидеть, как этот мир исчезнет. Странное чувство. Когда-то я был готов отдать за него жизнь. Когда-то искренне верил, что нет во Вселенной цивилизации мудрее, добрее и справедливее нашей. Впрочем, так думает почти каждый ребёнок о своём доме. Только повзрослев, начинаешь замечать трещины в самых красивых стенах.

За окном всё выглядело по-прежнему. Спешили куда-то воздушные арлаторы. Горели огни башен. Миллионы людей занимались своими делами, даже не подозревая, что привычный им мир доживает последние часы. Они ничего не знали. Не знали, что защита планеты уже обречена. Не знали, что системы раннего предупреждения сообщают лишь о той опасности, которую способны обнаружить. Не знали, что главный инженер оборонительного контура много лет назад предусмотрел в нём двери, которые однажды должны были открыться. Иногда я спрашивал себя: раскаиваюсь ли я? И всякий раз приходил к одному и тому же ответу. Нет.

Возможно, это делает меня чудовищем. Возможно, именно сейчас кто-то из будущих слушателей этой записи уже испытывает ко мне ненависть. Но правда редко бывает красивой. Иногда, чтобы всё исправить, нужно сначала всё разрушить. Когда-то мне казалось, что это всего лишь красивая фраза. Один из тех парадоксов, которыми любят разбрасываться философы. Теперь я знал, что это закон природы. Старые леса погибают, чтобы дать место новым. Звёзды взрываются, рождая тяжёлые элементы для будущих миров. Даже сама жизнь строится на бесконечной череде разрушений и созиданий.

Я остановился возле окна и посмотрел на горизонт. Пока ещё там ничего не было. Но скоро появится. А пока у меня оставалось немного времени, чтобы рассказать вам о том маль-

чишке. О юном учёном, который был уверен, что способен сделать Вселенную лучше. Забавно. Он действительно сделал её лучше. Просто совсем не так, как собирался.

Криогенетики, мы называли их отмороженными. Они занимали весь шестой уровень жилого комплекса. Помимо исследовательских модулей, лабораторий и жилых помещений, здесь располагался большой рекреационный зал, предназначенный для отдыха сотрудников и их гостей. Именно там и проходила вечеринка.

Сейчас я понимаю, что слово «вечеринка» подходит весьма условно. Если собрать в одном помещении несколько учёных, инженеров и исследователей, получится что угодно, но только не нормальная вечеринка.

В одном углу спорили о перспективах биологического бессмертия. В другом обсуждали новую модель атмосферного преобразователя для колониальных миров. Несколько человек возле обзорного окна пытались доказать друг другу ошибочность какой-то математической теории. Судя по накалу страстей, дело вполне могло закончиться дуэлью на вычислительных терминалах. Музыка играла. Но её почти никто не слушал. Еда присутствовала. Но о ней постоянно забывали. Зато научных споров было столько, что ими можно было запитать небольшой энергетический реактор.

Элион появился одним из последних. Его персональный идентификатор мгновенно считала система доступа, после чего над входом вспыхнула зелёная линия допуска.

Тогда мальчишка даже не обратил на это внимания. Для него всё выглядело совершенно естественно. Так работал этот мир. Система сопровождала человека с самого детства, анализировала способности, помогала выбрать направление развития, формировала образовательные маршруты и распределяла ресурсы. Большинство граждан считало это справедливым. В том числе и Элион. И я, до сих пор с ним согласен, почти во всём, почти…. .В девятнадцать лет он искренне верил, что мир устроен правильно. Лишь много позже, годы спустя, я понял, что система не только направляла людей. Она ещё и разделяла их. Не предвзято, бескомпромиссно, и безапелляционно. Некоторые двери открывались далеко не для всех.

Впрочем, в тот вечер мальчишку интересовали совсем другие вещи. Он искал глазами одну девушку. И очень быстро её нашёл. Она стояла возле обзорного окна и смотрела на вечерний город так, словно сама не до конца понимала, как оказалась здесь.

Это потом Элион узнает, что Прекрасная Незнакомка вовсе не принадлежала к этому уровню. Боже, какое красивое имя дали мне родители. Элион... Даже сейчас звучит неплохо. Впрочем, тогда этот мальчишка был настолько доволен собой, что собственное имя казалось ему едва ли не самым удачным инженерным решением во Вселенной.

Девушка оказалась здесь лишь благодаря приглашению подруги. Её постоянной средой обитания был базовый уровень доступа. К той категории относилось около семидесяти процентов населения нашей цивилизации. Забавно. Мы никогда не называли это социальным неравенством. У нас находились гораздо более красивые слова. Система сопровождения личности. Оптимизация ресурсов. Индивидуальная траектория развития. Гармоничное распределение потенциала. Согласитесь, звучит значительно благороднее. На практике всё было проще. Одни люди жили в просторных жилых комплексах с собственными научными центрами, рекреационными зонами, персональными образовательными программами и практически неограниченным доступом к ресурсам. Другие жили значительно скромнее. Нет, никто не голодал. Никто не спал на улице. Наша цивилизация давно решила подобные проблемы. Просто разница между уровнями была примерно такой же, как между небольшим уютным домом и сверкающим небоскрёбом, возвышающимся над городом. Тогда мне это казалось совершенно справедливым. Сейчас — уже не очень.

Но в тот вечер Элион обо всём этом даже не задумывался. Он увидел девушку. И всё остальное перестало существовать. Она стояла возле обзорного окна, за которым медленно

погружался в вечерние сумерки город. Огни сигнатурных башен уже начинали загораться, отражаясь в прозрачных панелях зала. Девушка сразу заметила его приближение. Её лицо озарила широкая улыбка. Такая улыбка появляется только тогда, когда человек действительно рад кого-то видеть. Или очень хочет, чтобы в это поверили. Не знаю. Не буду утверждать. Прошло слишком много лет. Но тогда мальчишке показалось, что она ждала именно его. И, признаться, я так и думал.

Подойдя к девушке, Элион поймал себя на том, что уже улыбается. Странное дело. Обычно для этого требовалась удачная научная гипотеза или результаты сложного эксперимента. Но сейчас было достаточно просто увидеть её.

На этот раз он заговорил первым.

— Здравствуй, Прекрасная Незнакомка.

Девушка тихо рассмеялась.

— Так и будешь меня называть?

— Пока не узнаю настоящее имя.

— А ты его ещё не узнал?

— Нет. И, кажется, я даже не представился сам.

Девушка слегка наклонилась, приблизившись почти вплотную к юноше, и заговорщически прошептала:

— Не представился. Но я увидела его на воротничке твоей рубашки. И вообще, готова поспорить, что твоё восхитительное имя нанесено на всю твою одежду и даже трусики.

После этих слов меня словно окатило горячей волной. Бедный мальчишка тогда совершенно растерялся.

Лиара заметила его смущение и снова рассмеялась.

— Расслабься. Я пошутила. Хотя мне действительно интересно. Золотистыми буквами или обычными чёрными? Можешь не отвечать, позже сама всё увижу.

Элион окончательно смутился. Она попала точно в цель.

В нашей системе персональной верификации каждая единица одежды маркируется идентификационным кодом владельца. Большинство граждан даже не обращают на это внимания. Но, цвет маркировки говорит о многом. Золотистый шрифт означает принадлежность к категории перспективного сопровождения. Иными словами, система уже решила, что этот человек важен для будущего цивилизации. Тогда мне это казалось совершенно нормальным. Сейчас — не очень.

— Исправляюсь. — как то очень по детски сказал тогда Элион. — Как тебя зовут?

Она слегка прищурилась, словно раздумывая, стоит ли раскрывать такую важную тайну.

— Лиара.

— Красивое имя.

— Лучше, чем Прекрасная Незнакомка?

— Намного сложнее произносить.

Она снова рассмеялась.

Только тогда Элион заметил, насколько необыкновенно красивой была её улыбка. Она не пыталась понравиться. Не играла. Просто улыбалась так, как улыбаются люди, которым хорошо.

Некоторое время они молча смотрели через прозрачную стену на вечерний город. Огни уже полностью вступили в свои права. Башни сигнатурных комплексов сияли мягким золотистым светом, а между ними медленно скользили арлаторы.

— Красиво, — сказала Лиара.

— Да.

— Ты снова немногословен.

— Я стараюсь.

— Заметно.

Сейчас я невольно улыбаюсь, вспоминая это. Бедный мальчишка. Он мог объяснить устройство сингулярного резонатора, рассказать о принципах пространственной передачи информации и поспорить с академиками о природе вакуумных флуктуаций. Но рядом с этой девушкой его словарный запас почему-то сокращался до нескольких десятков слов. Впрочем, Лиару это, кажется, забавляло.

— Знаешь, — сказала она, слегка наклоняясь к нему, — когда мы встретились сегодня днём, я решила, что ты очень высокомерный.

— Почему?

— Потому что ты смотрел на город так, будто размышлял о судьбе Вселенной.

— Возможно, так и было.

— Видишь? Вот опять.

Между ними оставалось совсем небольшое расстояние. Элион вдруг почувствовал лёгкий аромат её волос. Что-то едва уловимое, напоминающее цветы после дождя. Сердце мальчишки забилось заметно быстрее. Это сейчас у меня этот процесс означает аритмию, а тогда было по другому. Удивительно. До этого момента он был уверен, что подобные реакции сильно преувеличены в художественной литературе. Оказалось — нет. Иногда одного взгляда достаточно, чтобы все твои научные теории внезапно потеряли значение.

Лиара смотрела ему прямо в глаза.

— А о чём ты думаешь сейчас, Элион?

Если бы она задала этот вопрос опытному мужчине, тот наверняка нашёл бы красивый ответ. Но перед ней стоял девятнадцатилетний гений.

Поэтому он честно сказал:

— Сейчас я пытаюсь вспомнить всё, что хотел сказать тебе по дороге сюда.

Несколько секунд девушка молчала, а потом рассмеялась так искренне и тепло, что мальчишка окончательно пропал.

Немного побродив среди гостей и выслушав несколько совершенно бессмысленных, с точки зрения Элиона, научных споров, молодые люди поднялись на второй уровень зала. Здесь было заметно спокойнее. Музыка звучала тихо и ненавязчиво, располагая скорее к беседам, чем к танцам. Небольшие столики для двоих, мягкие полукруглые диваны и приглушённое освещение делали это место удивительно уютным.

Они едва успели устроиться, как рядом плавно остановился автоматический доставщик.

— Чей допуск активировать для заказа блюд? — произнёс он без малейших признаков интереса к происходящему.

Ни приветствия. Ни пожелания хорошего вечера. Только деловой вопрос. Система была системой.

— Используйте мой допуск, — быстро ответил Элион.

Сейчас я понимаю, что этот момент оказался гораздо важнее, чем тогда казалось мальчишке. Он вовсе не пытался произвести впечатление. Просто знал, что его уровень доступа значительно выше, и воспринимал это как нечто совершенно естественное. Так его воспитали. Так работала наша цивилизация.

Лиара никак не отреагировала. Во всяком случае, внешне. Лишь на мгновение задержала на нём взгляд, после чего принялась изучать меню. Именно тогда Элион впервые заметил её растерянность. Меню оказалось огромным. Сотни блюд. Десятки напитков. Продукты со всех климатических зон планеты. Некоторые позиции сопровождались сложными описаниями технологий приготовления. Лиара долго листала список, а потом смущённо улыбнулась.

— Если честно, я не знаю, что выбрать.

— Тогда доверься мне.

— Ты уверен?

— Абсолютно.

На самом деле уверенности у мальчишки было значительно меньше, чем он пытался показать. Но одно он знал точно: поесть Элион любил. Более того, среди друзей он давно считался признанным экспертом по заведениям и кухням всех уровней доступа. Получив разрешение, он быстро составил заказ. Он точно понимал, чем сможет удивить. Когда доставщик начал расставлять блюда на столе, Лиара смотрела на происходящее с неподдельным восторгом. Некоторые продукты она видела впервые. Названия других слышала лишь мельком. На столе появлялись небольшие тарелки с тончайшими ломтиками океанической рыбы, фруктовые композиции из редких сортов гуаврийских садов, десерты из воздушной кремовой массы и напитки всех возможных оттенков. Для Элиона это был обычный ужин. Для Лиары — настоящий праздник. И мальчишка это видел. В какой-то момент он даже почувствовал лёгкое смущение. Впервые в жизни ему пришло в голову, что далеко не для всех подобные вещи являются обыденностью.

Тем временем за прозрачными стенами окончательно стемнело. Тогда весь второй уровень пришёл в движение. Медленно и почти незаметно. Огромный обзорный модуль начал плавно вращаться вокруг центральной оси комплекса, открывая посетителям всё новые и новые виды ночного города. Под ними проплывали сверкающие башни сигнатурных центров, парки с искусственными озёрами, транспортные магистрали и бесконечные россыпи огней, уходившие к самому горизонту.

Напитки автоматически обновлялись по мере опустошения бокалов. Их подавали в высоких прозрачных цилиндрах с тонкими витыми трубочками, внутри которых медленно поднимались серебристые пузырьки. Некоторое время они просто сидели рядом и смотрели на город. Иногда для счастья оказывается достаточно красивого вида, вкусной еды и человека, который улыбается тебе напротив.

Жаль, что тогда, это знал только я. Причём совершенно правильное слово именно знал. А вот Лиара — совсем другое дело. Она не знала. Она понимала. Понимала то, чего не замечал ни Элион, ни тысячи других таких же счастливчиков, с золотистой маркировкой допуска на рубашках и нижнем белье. Нет, система, конечно, не дарит эти привилегии по праву рождения. Наоборот, она распределяет их почти безупречно. Анализирует способности, прогнозирует потенциал, оценивает будущий вклад в развитие цивилизации. Но, именно этом и заключается проблема.

Годами внутри неё накапливалось что-то очень опасное. Не ненависть. Не зависть. Не обида. Нечто гораздо сложнее. Ощущение несправедливости. Ведь она тоже уникальная. Просто рассказать об этом ни кому не может. Ощущение того, что мир изначально разделён на тех, кому позволено мечтать, и тех, кому позволено лишь наблюдать за чужими мечтами. Такие вещи не взрываются сразу. Они копятся. Медленно. Год за годом. Словно пружина, которую продолжают сжимать всё сильнее и сильнее. И когда-нибудь она обязательно распрямляется. Для этого нужен лишь повод. Всего один. Совсем небольшой. Триггер. И я только теперь, с высоты моих прожитых лет, вижу это так же отчётливо, как и конец этого мира. Комфортного но, не справедливого. В нём нет исключений, ни для кого.

— А хочешь встретить рассвет прямо в небе? — неожиданно предложил Элион.

Лиара удивлённо посмотрела на него.

— В небе?

— Да. Думаю, мне разрешат использовать флаер.

— А ты уже делал это раньше?

— Что именно?

— Встречал рассвет в небе.

— Нет.

Она тихо рассмеялась.

— Значит, мы будем бояться вместе.

Сейчас я улыбаюсь, вспоминая этот разговор. Иногда люди ошибочно считают, что обладатели высокого допуска живут какой-то невероятной жизнью, полной недоступных другим удовольствий. В действительности большинство из нас проводило дни в лабораториях, вычислительных центрах и испытательных модулях. Некоторые научные сотрудники умудрялись годами не покидать пределы своих комплексов. Так что Элион действительно никогда не встречал рассвет в небе. Зато он был уверен в другом. После сегодняшнего триумфа с испытаниями системы дальней связи ему не откажут в такой мелочи. И оказался прав. Запрос был одобрен автоматически. Флаер подали прямо к посадочной площадке рекреационного модуля. Даже сейчас я помню выражение лица Лиары, когда она увидела машину. Она старалась не показывать удивления. Но некоторые вещи невозможно скрыть.

Флаер принадлежал к служебной категории сопровождения научных проектов. Такие машины редко использовались для личных прогулок. Обтекаемый серебристый корпус почти не имел видимых швов. Огромный прозрачный купол открывал обзор во всех направлениях, а силовая установка работала настолько тихо, что её присутствие выдавали лишь лёгкие вибрации воздуха.

— Красивый, — прошептала Лиара.

— Наверное, — пожал плечами Элион.

Для него это действительно был просто флаер. Ещё одна маленькая деталь, на которую мальчишка тогда не обратил внимания. Они заняли места, и машина плавно поднялась над посадочной площадкой. Внизу остались огни комплекса, затем башни научного сектора, а потом и весь город начал медленно превращаться в сияющую карту из тысяч золотистых точек. Флаер набирал высоту. Ночь постепенно отступала. Сначала далеко на востоке появилась тонкая серебристая полоска. Затем она начала окрашиваться в голубые и сиреневые оттенки. Небо словно просыпалось вместе с миром. Они поднялись ещё выше. Теперь под ними лежал океан облаков. Настоящий океан. Белоснежный, бесконечный и совершенно неподвижный. Лишь редкие вершины сигнатурных башен возвышались над ним, словно острова среди молочного моря.

Лиара сидела молча. Впервые за весь вечер. Она смотрела вперёд, не отрывая взгляда от горизонта. И вот тогда, это произошло. Из-за далёкой кромки мира показался первый луч. Один. Потом второй. Через несколько секунд над горизонтом вспыхнула ослепительная золотая дуга. Свет буквально хлынул в небо. Облака под ними мгновенно окрасились в оттенки золота, янтаря и розового жемчуга. Казалось, будто сама планета медленно разгорается изнутри. Лиара тихо выдохнула. И положила ладонь на моё колено.. Для мальчишки, который рядом с девочкой мог начать путать слова, это было как признание в любви.

— Никогда такого не видела.

Элион посмотрел не на рассвет. На неё. В тот момент ему показалось, что восходящее солнце выглядит не так красиво, как отражение его света в её глазах. Глупо. Очень глупо. Но именно такие мысли обычно приходят девятнадцатилетним мальчишкам, когда они впервые по-настоящему влюбляются. А потом, произошло то, к чему мальчишка оказался совершенно не готов. Лиара немного придвинулась ближе. Её ладонь осторожно коснулась его руки, словно случайно. Затем пальцы медленно скользнули ниже и уверенно переплелись с его пальцами. Ничего особенного. Обычное прикосновение. Но сердце Элиона вдруг забилось так быстро, будто он только что завершил стокилометровый забег. Лиара продолжала смотреть на восходящее солнце, словно ничего не произошло. Только уголки её губ едва заметно дрогнули. Она прекрасно понимала, что творится сейчас с этим бедным мальчишкой.

А он сидел неподвижно, боясь даже пошевелиться, словно любое неосторожное движение могло разрушить этот момент. И почему-то именно тогда ему показалось, что рассвет никогда не закончится.

Рука Лиары словно случайно скользнула по моей ноге вверх, и я вдруг ощутил тепло её ладони там, где прежде бывали только мои собственные руки. Дыхание перехватило.

Сейчас я понимаю, она прекрасно знала, что делает. А тогда, мальчишка был уверен, что это произошло случайно.

Лиара резко повернулась ко мне. Её лицо оказалось совсем близко. В глазах плясали озорные огоньки, а на губах играла едва заметная улыбка.

— Держишься ещё? — хитро спросила она.

Мне кажется, в тот момент сердце мальчишки окончательно отказалось подчиняться законам физиологии и перешло на какой-то аварийный режим работы. Во всяком случае, стук в груди стоял такой, что его, наверное, можно было услышать.

— Да, — как всегда коротко ответил Элион.

Но, это была ложь. А Лиара, продолжала, улыбаться и дарить тепло своих рук. В тот момент, мальчишка впервые в жизни понял, что человеческое тело далеко не всегда спрашивает разрешения у разума. Некоторые процессы оказываются быстрее любых мыслей, логических выводов и научных теорий. И пока он отчаянно пытался сохранить остатки достоинства, Лиара продолжала смотреть на него своими смеющимися глазами. Кажется, она тогда всё поняла. Именно поэтому её улыбка стала ещё шире.

Мальчишка был горд. И, надо признать, не без оснований. Устроить свидание над облаками, встретить рассвет в небе, а потом ещё и доставить девушку домой на служебном флаере, могли далеко не все. А Элиону тогда было всего девятнадцать.

После прогулки они ещё долго бродили по городу. Раннее утро уже вступало в свои права. Первые солнечные лучи ласкали верхушки небоскрёбов, заставляя стеклянные фасады вспыхивать золотом и янтарём. Ночные огни постепенно гасли, уступая место мягкому свету нового дня. Город ещё не проснулся окончательно. Транспортные линии оставались почти пустыми. Лишь изредка навстречу попадались редкие прохожие. Кто-то спешил домой после ночной смены, кто-то начинал новый день, а кто-то просто наслаждался утренней прохладой. Они шли медленно. Иногда разговаривали. Иногда молчали. И почему-то это молчание казалось не менее приятным, чем разговор.

Лиара жила в одном из жилых модулей возле башен Конгломерата. От посадочной площадки было совсем недалеко. Настолько недалеко, что Элиону всю дорогу казалось, будто они идут слишком быстро. Наверное, именно поэтому путь длиной в десять минут пролетел почти незаметно. Очень скоро они уже стояли возле входа в жилой комплекс Наступила та самая неловкая пауза, которая всегда возникает, когда двум людям совсем не хочется прощаться.

— Спасибо за рассвет, — тихо сказала Лиара.

— Спасибо, что согласилась его встретить со мной.

Она улыбнулась. Той самой улыбкой, которая уже успела лишить мальчишку способности здраво мыслить. Потом неожиданно сделала шаг вперёд, легко коснулась губами его щеки и тут же отступила назад. Совсем невесомо. Но Элиону показалось, что прикосновение обожгло сильнее солнечного света.

— Пока, Элион.

— Пока, Лиара.

Она ещё раз улыбнулась, развернулась и быстро скрылась за прозрачными дверями центрального холла. А мальчишка остался стоять на месте. И улыбаться. Как последний идиот. Впрочем, в девятнадцать лет это, наверное, одно и то же.

Раннее утро центрального сектора дышало абсолютным покоем. Мальчишка шел по длинной линии улицы, ведущей к высотному зданию научных комплексов. Наш юный гений едва сдерживал улыбку, вспоминая их восхитительное свидание. Вчерашний день стал его абсолютным триумфом: система дальней связи, его личный авторский проект, запустилась безупречно. Инженеры-кураторы рукоплескали, а система в ту же секунду пересчитала его индекс

полезности, сделав Элиона почти неприкасаемым. И это в девятнадцать лет. Я до сих пор собой горжусь. И, вполне обосновано. Потом ещё будет много научных прорывов но, это было особенным. Это оно сейчас вершит мой приговор этому миру. А пока.., я продолжу рассказ.

На запястье руки мягко горели зеленоватым светом полоски коммуникатора. Почти незаметный прозрачный браслет следил за всей моей жизнью. Тогда для мальчишки это было совершенно нормально. Родители уже не могли контролировать его жизнь, а сам он ещё этого не умел. Зато, это умела система. Она была хорошей нянькой для юного гения.

У него оставалось ещё как минимум три часа на отдых до утреннего синклита. Впрочем, после вчерашнего прорыва он мог вообще сегодня никуда не ходить — Система лояльно относилась своим главным умам, любые капризы, в обмен на ваши идеи.

Лифтовой карт бесшумно вынес его на пятидесятый этаж. Едва Элион переступил порог своего жилого модуля, как пространство вокруг него ожило.

— С возвращением, создатель Элион, — мягко произнес глубокий, обволакивающий голос домашнего ИИ. — Фиксирую повышенный уровень эндорфинов и легкое физическое утомление. Желаете расслабляющий соматический коктейль?

— Нет, просто сок из абжидана и режим приватности, — улыбнулся наш парень, сбрасывая обувь, которую роботы-уборщики тут же утянули в подпольную нишу.

— Я от сканировала вашу одежду, создатель Элион. Похоже, что режим приватности у вас уже сегодня был, и вполне осязаемый. Судя по количеству биоматериала на вашем белье.

— Лея, перестань, ты смущаешь и позоришь меня. Боже, хорошо, что этого ни кто не слышит.

— Для мальчика в девятнадцать лет, поллюции это нормально совершенно.

— Лея, я прошу тебя, хватит.

— Хорошо. Просто сбрось с себя всю одежду. В помывочной тебя ждёт расслабляющая ванна, и новый комплект белья.

— Спасибо. Ты так любезна. — Несколько раздражённо сказал наш мальчик и скинув всю одежду на пол, отправился в помывочную.

Модуль был небольшим, но каждый квадратный метр здесь стоил как бюджет целого квартала в спальных секторах, где жила Лиара. Стены из биооморфного пластика идеально поглощали любые звуки снаружи. По щелчку пальцев глухая стена поползла в сторону, превращаясь в гигантское панорамное окно от пола до потолка.

Элион подошел к стеклу и как всегда несколько минут любовался этим чудом. Так я тогда называл вид на океан с пятидесятого этажа. С этой высоты открывался умопомрачительный вид на бескрайний, светящийся в первых лучах солнца океан. Настоящий, живой океан, а не симуляция на экранах спальных районов. Набегающие на золотистый берег волны казались отсюда крошечными. А на пролетающих птиц можно было смотреть сверху в низ. В то утро, Элион планировал в нежиться в постели, — *Даже сейчас я улыбаюсь когда вспоминаю эти блаженные времена.* — Он смотрел на океан прямо из своей постели. Она располагалась в спальне на втором этаже его жилого модуля. Малюсенькая спаленка но, с двухспальной кроватью, и видом на океан. И конечно с домашней нянькой. Которая прислушивалась к каждому его вздоху, к каждому удару сердца. Она знала о нём всё. И это его полностью устраивало.

Элион блаженно растянулся на парящей магнитной кровати. Матрас мгновенно подстроился под контуры его тела, снимая напряжение в мышцах. Парень закрыл глаза, засыпая с мыслями о Лиаре. И пока ещё, эти мысли были счастливыми.

Мальчишка проснулся ровно через три часа. Лея, как заботливая нянька, мягко вывел его из сна, постепенно увеличивая прозрачность панорамного окна и впуская в комнату теплые утренние лучи. Элион лениво нежился в парящей постели, сладко потягиваясь. Тело было полным сил, а на губах всё еще блуждала счастливая улыбка от воспоминаний о вчерашнем вечере.

Как был, в одних трусах, он спустился на нижний уровень модуля. Шагая по гладкому композитному полу, наш парень остановился перед большим ростовым зеркалом в прихожей. Оглядев свое отражение, он вдруг зацепился взглядом за то, на что раньше никогда не обратил бы внимание. На широкой эластичной резинке его белья, выполненного из нежнейшего гладкого материала, красовалась аккуратная строчка. Его личный идентификатор и имя были вышиты безупречным золотистым шрифтом. Элион медленно провел подушечками пальцев по резинке, отчетливо ощущая рельефные выпуклые знаки. Раньше этот мальчишка никогда не обращал внимания на такую незначительную деталь. Одежда просто всегда лежала там где должна была лежать — идеально подогнанная, невесомая, как вторая кожа.

Тогда, отойдя от зеркала, я постарался выбросить из головы ненужные мысли. Мой триумф был слишком свежим, а воспоминания о Лиаре — слишком приятными, чтобы портить это утро глупыми сомнениями.

— Лея, — позвал я, направляясь к кухонному модулю. — Выведи на фронтальную панель статус-отчет по вчерашнему запуску допплеровского контура. И приготовь что-нибудь легкое.

— Отчет сформирован, создатель Элион, — мягко отозвался электронная нянька. Перед моими глазами прямо в воздухе развернулась матово-голубая голограмма. — Поздравляю. Стабильность сигнала в верхнем сегменте составляет сто процентов. Ваша авторская надстройка работает без сбоев. Синедрион уже направил вам официальную благодарность. Также зафиксировано автоматическое начисление дополнительных квот на личное потребление.

Я удовлетворенно кивнул, лениво пролистывая бесконечные графики и таблицы. Система баловала меня. Мой разум приносил ей пользу, и она платила мне за это абсолютным комфортом. На кухонной панели уже материализовался стакан с прохладным тонизирующим нектаром и чаша с питательными хлопьями, вкус которых был синтезирован идеально под мои рецепторы.

— Архивная отметка, только для служебного, только как пояснение: эта электронная нянька знала обо мне всё. Лея высчитывала мои калории, следила за давлением, подбирала температуру простыней. Система оберегала свой ценный инструмент от малейших неудобств реального мира. И я тогда принимал эту суррогатную заботу за чистую монету. Наш мир не был несправедлив. Мы смогли построить вполне достойное общество. Никто не голодал, у всех было всё необходимое. Проблема была вообще не в системе. А в том, чего в нашем мире как бы и не могло существовать. Но об этом я расскажу чуть позже. Метка. Перейти в основной файл записи.

Сделав глоток, я коснулся коммуникатора на запястье. Мне не терпелось услышать голос Лиары.

— Лея, установи прямую связь с Лиарой. Код идентификатора я не знаю.

— Виновница вашей утренней поллюции?

— Лея, ну я же просил...

— Всё замолкаю. Выполняю соединение, — отозвалась нянька.

Вызов шел долго, секунд десять — в нижних секторах пропускная способность сети всегда была ниже, чтобы не перегружать магистральные узлы центрального Сектора. Наконец, панель мигнула, и появилось лицо Лиары. Она уже была в своей домашней одежде — простом, сером комбинезоне без изысков, на котором едва заметно темнел её черный маркер. На заднем плане виднелась стена её стандартного жилого блока.

— Привет, — я улыбнулся, откидываясь на парящую кровать. — Прости, если разбудил. Как ты добралась? Вчерашний рассвет до сих пор у меня перед глазами.

Лиара посмотрела на меня сквозь проекцию. В её глазах не было сонной неги — только странная, холодная усталость.

— Привет, Элион. Нет, не разбудил, я давно на ногах, — её голос прозвучал ровно, почти бесцветно. — Добралась нормально. Двадцать три ступеньки и я у своей двери. — С лёгким сарказмом в голосе ответила девушка.

Её тон уколол меня, но я списал это на банальную усталость после бессонной ночи.

— И ты действительно была права насчет цвета идентификатора! — воскликнул я, осененный внезапной догадкой. — Он действительно золотистый, смотри!

Я вскочил с парящей кровати и подбежал ближе к проекционному экрану. Слегка оттянув пальцами эластичную резинку белья, я повернулся так, чтобы Лиара могла отчетливо разглядеть сияющие золотом символы. Худенький, симпатичный девятнадцатилетний мальчишка в белоснежных трусиках — я, сам того не понимая, в тот момент выглядел максимально нелепо и обезоруживающе. Я точно произвел нужное впечатление, хотя видит Синедрион, я к этому вообще не стремился. Всё вышло абсолютно спонтанно, по-детски.

Лиара замолчала. Несколько секунд она просто смотрела на мою демонстрацию, а затем едва заметно покачала головой. На её губах появилась мягкая, но немного грустная усмешка.

— Боже, Элион... Какой ты ещё ребенок, — тихо произнесла она.

— Нет-нет, я уже не ребенок! — торопливо и обиженно начал возражать я тогда, чувствуя, как к щекам приливает румянец. Мне отчаянно хотелось казаться взрослее. Чтобы перевести тему, я выпалил: — Приходи сегодня ко мне в жилой модуль. Будем смотреть на закат над океаном, и пить сок из абжидана. Придешь?

Лиара чуть прищурилась, и в её взгляде блеснул опасный коктейль из лукавства и едва уловимого сарказма.

— Ну... как можно отказать мальчику в белых трусиках с таким красивым золотым именем на резинке? — протянула она. — Ладно, инженер. Я приду.

Я отключил связь и буквально взлетел от счастья обратно на кровать. Я радовался, что свидание состоится.

Я тогда был ещё мальчишкой, почти ребёнком. Этот мальчишка не способен был понять, что её слова были не просто флиртом. Это была горькая ирония человека, который носил в себе что-то слишком масштабное и сложное для нашего уютного, вылизанного мира. Наш Синедрион ювелирно обеспечивал всех — Лиара ни в чем не нуждалась, у нее был достойный быт. Но её внутренняя пружина уже сжалась до предела, оставалось совсем немного. Потерпите ещё чуть-чуть, и я вам всё расскажу, раскрою этот невероятный разворот в моей судьбе.

Оставшиеся до вечера часы тянулись невыносимо медленно. Чтобы хоть как-то убить время, я вяло полистал технические логи вчерашнего запуска, но мысли упорно возвращались к предстоящему закату. Поняв, что инженер из меня сегодня никакой, я закрыл голограммы и принялся мерить шагами комнату.

— Фиксирую хаотичную двигательную активность и повышенное потоотделение, создатель Элион, — раздался из-под потолка вкрадчивый голос Леи. — Вы нарезаете уже двенадцатый круг по модулю. Режим ожидания гостьи Лиары перегружает вашу нервную систему. Желаете седативный укол?

— Отстань, Лея, — буркнул я, останавливаясь у панорамного окна. — Лучше помоги подготовить модуль. На вечер нужен особый световой контур. Такой... мягкий, расслабляющий. И закажи в пищевом синтезаторе легкие закуски высшей категории. Те, что со вкусом спелой калипсонии.

— Заказ принят. Световой сценарий «Романтический закат» активирован в тестовом режиме, — в голосе ИИ проскользнули едва заметные, искусственно смоделированные саркастические нотки. — Также я обновила протоколы безопасности жизнедеятельности в модуле. Напоминаю, что гостья Лиара имеет черный маркер допуска. В случае активации интимного контура, система обязана выдать вам инструкции по безопасному соитию для предотвращения нежелательного обмена биологическим материалом. Открыть текстовый файл?

— Что? Нет! Закрой! — я почувствовал, как уши мгновенно вспыхнули пунцовым цветом. — Лея, прекрати, я сам всё знаю!

— Мои датчики фиксируют учащенный пульс, что опровергает ваше заявление о полной уверенности, — безжалостно продолжила нянька. — Как ваша персональная система опеки, я обязана напомнить: для вашего возраста и индекса гормональной активности высок риск преждевременной поллюции при первом тактильном контакте. Рекомендую начать ласки с непрямого воздействия. Поглаживание плечевой зоны гостьи в течение первых семи минут снизит ваш уровень возбуждения на четырнадцать процентов...

— Замолчи! Заблокируй этот протокол! — в ярости крикнул я, закрывая лицо ладонями. Спорить с искусственным интеллектом, который воспитывал тебя с детства и знал каждую твою анатомическую подробность, было сущим адом.

— Протокол заблокирован по требованию пользователя, — Лея издала тихий звук, похожий на человеческий вздох. — Перехожу к гидросистеме. Желаете наполнить парящую ванну на двоих? Я могу подобрать состав солей, который сбалансирует ph-баланс кожи. Это минимизирует риски аллергических реакций.

— Просто наполни ванну, Лея, — проворчал я, бессильно падая на кровать и натягивая подушку на голову. — Обычной водой. И, пожалуйста, помолчи хотя бы час.

— Выполняю, создатель. Желаю вам... приятного снижения гормонального фона.

Я уткнулся лицом в мягкий матрас, чувствуя себя абсолютно беззащитным перед этой кремниевой надзирательницей.

Мальчишка тогда ворчал, злился и глупо стеснялся её электронных нотаций. Боже, каким же тепличным, каким стерильным был мой мир! Система думала за нас, Система предохраняла нас от малейших шероховатостей жизни, от микробов, от неловких секунд в постели. Нас превращали в изнеженных домашних зверьков с золотыми бирками. Этот дурак в белых трусиках, прячущий лицо в подушку, даже представить себе не мог, что уже очень скоро эта стерильная сказка исчезнет на долго. И ему придется познать совсем другие ласки — ласки голода, ломающих кости ударов и обжигающей боли, где никакой Леи не будет рядом, чтобы вытереть ему сопли). Но, пока весь мир крутился вокруг меня. И, повторюсь, мальчишка это был достоин. Он это заслужил.

Время, которое так долго тянулось, внезапно совершило предательский скачок. Я и заметить не успел, как за панорамным окном небо начало окрашиваться в глубокие янтарные тона, а океан внизу превратился в жидкое золото.

— Создатель Элион, — бесстрастно доложила Лея, прерывая затянувшуюся тишину. — Ваша гостья прибыла в жилой комплекс. В данный момент Лиара поднимается в скоростном лифтовом карте. Время до её прибытия на пятидесятый этаж — сорок две секунды. Фиксирую, что вы до сих пор находитесь в исходном положении на постели. Из одежды на вас — только утренний комплект белья.

— Что?! — я подпрыгнул на кровати так, словно меня ударило током.

Сорок две секунды! Я пулей вскочил на ноги, едва не запутавшись в собственных простынях, и заметался по спальной зоне.

— Лея, где мой парадный комбинезон?! Где вещи, Лея?! — в панике закричал я, на ходу соображая, как успеть одеться до того, как откроются двери шлюза.

Я бросился вниз, перепрыгивая через ступеньки и едва не растянувшись на глянцевом полу первого этажа своего модуля.

— Согласно обновленному романтическому протоколу, официальный комбинезон признан нецелесообразным, — спокойно и с легким электронным ехидством отозвалась нянька, пока я испуганно озирался по сторонам. — Я подготовила для вас легкую белую футболку с мерчем Синедриона, на котором вышит манифест о смысле жизни, а также белые шорты из

дышащей ткани. Датчики выдачи белья открыты. И да, создатель... Я добавила эти вещи в приоритет, поскольку их будет гораздо удобнее снять, когда в этом возникнет необходимость.

— Замолчи, Лея! Просто замолчи! — прошипел я, натягивая шорты и буквально влетая головой в ворот футболки.

На ходу поправляя одежду и отчаянно пытаясь пригладить вихры на затылке, я подбежал к входной зоне. Сердце колотилось в груди как бешеное. Мягкий сигнал раздался ровно в ту секунду, когда я замер перед входом, пытаясь изобразить на лице самое непринужденное и уверенное выражение, на какое только был способен.

Он стоял там, хватал ртом воздух и глупо радовался, что успел натянуть эти дурацкие шорты. Моя электронная нянька так трогательно заботилась о том, чтобы мне было удобно раздеваться перед девочкой. Если бы эта машина умела анализировать будущее, она бы знала, что совсем скоро эа одежда будет на столько далеко от меня на сколько даже не хватит воображения. Ну, а пока… .

Створки дверей бесшумно разошлись в стороны. На пороге стояла Лиара. Закатное солнце верхнего сектора ловило медные блики в её волосах, а простой, но очень элегантный брючный костюм с коротким жакетом, в этом мягком янтарном свете, казался почти нарядным.

Она сделала шаг внутрь, окинула меня быстрым взглядом и вдруг остановилась. Её глаза округлились, а на губах заиграла та самая лукавая, снайперски точная усмешка. Взгляд Лиары намертво прилип к моей груди.

— «Жизнь — это то, что я написал сегодня…» — вслух прочитала она серебристую вязь мерча на моей новой футболке. Лиара сделала еще шаг, наклонив голову набок. — Надо же. Какой глубокий манифест Синедриона. Знаешь, инженер… А ведь этот мерч просто потрясающе сочетается с утренней надписью на твоих трусиках. Стильно. Концептуально.

— Лея подсунула, — буркнул я, чувствуя, как лицо снова заливает жаркая краска смущения. — Я просил обычный комбинезон, а эта электронная нянька решила устроить мне сеанс высокой моды. Проходи.

Лиара тихо рассмеялась, и это мгновенно разрядило мое предпаническое состояние.

Вечер потек удивительно плавно. Лея сработала безупречно: свет в модуле приглушился до глубокого золотистого индиго, а у панорамного окна материализовался небольшой столик. Вид на океан отсюда, с пятидесятого этажа, буквально лишал дара речи. Огромное огненное солнце медленно тонуло в жидком золоте волн, рассыпая по воде миллиарды искр.

Мы ужинали деликатесами со вкусом калипсонии, пили легкий тонизирующий напиток и разговаривали. Говорили обо всем подряд. И к моему собственному удивлению — да и, пожалуй, к удивлению, самой Лиары — я оказался чертовски хорошим собеседником.

Обычно ученые моего уровня не умеют общаться. Они мыслят формулами, сыплют сухими терминами и замыкаются в своих проектах. Но со мной всё было иначе. Я увлеченно, с горящими глазами рассказывал ей о звездах, о том, как устроен допплеровский контур, но переводил сложнейшую квантовую физику на язык живых, красивых образов. Я сравнивал потоки данных с миграцией светящихся океанских рыб, а структуру пространства — с тончайшим кружевом. Лиара слушала меня, подперев подбородок ладонью. Её ироничный сарказм постепенно сошел на нет. В её темных глазах я видел искренний, глубокий интерес. В тот вечер она разглядела во мне не просто привилегированного баловня Системы, а живую, яркую и глубокую душу.

Этот ужин у окна был лучшим моментом в жизни мальчишки. И самым страшным парадоксом. Лиара увидела во мне не картонного гения, а человека. Интересного, чуткого, способного чувствовать её настроение. И именно эта моя глубинная привлекательность, моя настоящая, а не штампованная исключительность, стала последней каплей. Если бы я был обычным заносчивым мажором с золотой ниткой на трусах, она бы просто посмеялась и ушла. Но я был равен ей по масштабу личности. И осознание того, что Синедрион превозносит меня до небес,

пока её собственная, куда более пугающая грандиозность вынуждена прятаться в безвестности, окончательно сорвало пружину в её сознании. Наша близость в тот вечер сделала финал неизбежным.

За панорамным окном окончательно догорел закат, уступив место густым фиолетовым сумеркам. Океан внизу казался бездонной черной чашей, в которой отражались первые далекие звезды. Лиара лениво отодвинула пустой бокал, оперлась локтями о столик и лукаво посмотрела на меня, чуть прищурив левый глаз.

— Ну что, инженер... Чем займемся дальше? — протянула она, и в её голосе зазвучали бархатные, дразнящие нотки. Но прежде чем я успел растерянно моргнуть, она сама же и ответила: — О, я знаю. Я уже чувствую аромат свежих цветов Драгариуса из твоей купальной зоны. Лея постаралась? Я надеюсь, ты всё еще в тех самых белых трусиках с золотистой надписью на резинке?

Я только беззвучно открыл рот, чувствуя, как уши снова предательски запылали. Лиара лишь тихо рассмеялась, поднялась из-за стола и уверенно направилась в сторону гидромодуля. Мне ничего не оставалось, кроме как покорно пойти следом.

Ванна, парящая на магнитной подушке в полуметре от пола, была наполнена до краев. Вода светилась мягким лазурным светом, а густой, пьянящий аромат Драгариуса заполнял всё пространство.

Лиара остановилась у края. Совершенно не стесняясь моего присутствия, она плавным, изящным движением расстегнула и сбросила свой элегантный брючный костюм, а вслед за ним — верхний топик. Я затаил дыхание. Её белоснежная, упругая грудь в полумраке гидромодуля выглядела настолько безупречно, что буквально приковала мой взгляд. Мой внутренний «юный обольститель» в эту секунду полностью лишился дара речи. Лиара не стала снимать белье. Она медленно перешагнула через бортик и опустилась в теплую, ласкающую воду, блаженно прикрыв глаза. Сглотнув вязкую слюну, я дрожащими пальцами стянул через голову белую футболку, сбросил шорты и уже намеревался грациозно скользнуть в эту огромную ванну к ней. Но Лиара вдруг открыла глаза и лукаво погрозила мне пальцем.

— Подойди-ка сюда, — она сделала легкий, манящий жест рукой, подзывая меня ближе к своему краю.

Я послушно шагнул вперед, оказавшись вплотную к бортику. Лиара медленно подняла мокрые руки из воды. Её теплые пальцы коснулись моей кожи, аккуратно подцепили эластичную резинку моих трусиков и неспешным, издевательски томительным движением спустили их вниз, к самым щиколоткам. От неожиданности я моментально прикрылся обеими ладонями, инстинктивно втянув голову в плечи. Лиара лукаво улыбнулась, глядя на мою панику.

— Я уже всё увидела, инженер, можешь не прятать свой секрет.

Сгорая от стыда и желания одновременно, я аккуратно перешагнул через сброшенное белье и опустился в обжигающе теплую воду. И в ту же секунду я почувствовал под водой мягкое, уверенное тепло её рук — именно там, где во время нашей прошлой близости со мной и случился досадный юношеский конфуз. На этот раз всё произошло точно так же, но уже в десять раз приятнее, ярче и эротичнее. По телу прокатилась мощная волна судорожного блаженства, заставив меня шумно выдохнуть и откинуть голову на мягкий бортик.

— Ну вот... Теперь некоторое время можем полежать спокойно, — всё так же лукаво проговорила Лиара, улыбаясь и забавно прищуривая глаз. Она устроилась поудобнее, положив голову мне на грудь, пока лазурная вода мягко баюкала наши тела.

(Архивная отметка для тех, кто слушает этот файл: я лежал в этой теплой воде, вдыхал аромат Драгариуса, чувствовал кожей её дыхание и верил, что поймал вечность за хвост. Это был абсолютный пик моего земного счастья. Пружина в её душе замерла, сжатая до микрона. Ей оставалось сделать лишь один шаг, один щелчок — и вся эта лазурная нега

превратится в космическую пыль. И самое страшное, что этот щелчок сделаю я сам, своей собственной глупой, наивной болтовней прямо сейчас, в этой самой ванне).

Ванна, парящая на магнитной подушке, была наполнена до краёв. Вода светилась мягким лазурным светом, а густой, пьянящий аромат цветов Драгариуса заполнял всё пространство, смешиваясь с запахом её кожи. Лиара обнимала этого красивого юношу, прижимаясь к нему грудью, и Элион чувствовал мерное биение её сердца. Его собственное сердце, успокоившееся после недавней близости, билось ровно и спокойно. В этот момент он был абсолютно счастлив. Ему казалось, что он поймал вечность за хвост. Он гладил её мокрые волосы, пропуская тёмные пряди сквозь пальцы, и смотрел на панораму ночного города за панорамным окном. Океан внизу казался бездонной чёрной чашей.

— Знаешь... — начал он задумчиво, глядя куда-то поверх её головы на далёкие звёзды. Эта мысль пришла ему в голову только что и показалась невероятно важной и глубокой. — Иногда я думаю... если бы твой индекс полезности был чуть выше, мы могли бы работать вместе. Представляешь? Твоя интуиция и моя теория пространственных флуктуаций... Мы бы перевернули всю квантовую механику! Какой прорыв мы бы совершили...

Лиара замерла. Её тело, ещё секунду назад расслабленное и тёплое, напряглось, словно струна. Она медленно подняла голову с его груди и посмотрела ему прямо в глаза. В полумраке гидромодуля её взгляд казался непроницаемо-чёрным.

Элион, не замечая перемены, продолжал говорить, увлечённый своей гениальной идеей: — Жаль, что Система распределяет ресурсы так строго. Но зато ты свободна от этого давления. Тебе не нужно постоянно доказывать свою гениальность, сидеть на бесконечных синклитах, писать отчёты для кураторов... Ты просто живёшь. И это, наверное, здорово.

Он улыбнулся ей той самой открытой, детской улыбкой, которая всегда обезоруживала её. Он думал, что нашёл идеальный баланс: признал её ценность, но при этом избавил от «тяжкого бремени» высокого статуса. Для него это было высшей формой похвалы. Но для Лиары, это стало последней каплей. Пружина, сжатая годами молчания, недооценённости и скрытого дара, сорвалась. Её рука, лежавшая на его плече, вдруг сжалась с нечеловеческой силой, впившись ногтями в кожу. Глаза, которые только что были мягкими, вспыхнули диким, опасным огнём.

— Свободна?! — прошипела она, и слово прозвучало как плевок. Её голос дрожал от ярости. — Вот как ты это называешь?!

Она резко оттолкнулась от него, выпрямившись в воде. Лазурная гладь всколыхнулась, выплёскиваясь через край ванны.

— Ты... ты жалкий, избалованный ребёнок! — выкрикнула она, ткнув пальцем ему в грудь. — Ты думаешь, твоя жизнь — это какая-то великая жертва? Система тебя облизывает, даёт тебе всё, о чём другие даже мечтать не смеют, а ты жалеешь меня?! Меня?!

Элион ошарашено моргал, совершенно не понимая, что произошло. Его лицо исказилось от растерянности и боли. — Лиара, я не хотел... Я просто подумал...

— Подумал?! — её крик перешёл в истерический визг. — Да что ты можешь думать своим золотым мозгом?! Ты хоть представляешь, кто я такая?! Ты видишь во мне просто красивую девочку из нижнего сектора, которой повезло затащить в ванну главного гения планеты?! Ты слепец!

Она вскочила на ноги, вода ручьями стекала с её тела. Элион инстинктивно прикрылся руками, впервые испугавшись её по-настоящему.

— Я покажу тебе... — прохрипела она, тяжело дыша. По её щекам текли слёзы ярости. — Я покажу тебе, что такое быть особенным. Не по вашей системной указке, а по-настоящему!

Пространство вокруг неё начало искажаться, воздух загустел и пошёл рябью, как марево над раскалённым асфальтом. Воздух наполнился низким гулом, который ощущался скорее костями, чем ушами.

— Смотри же! — закричала Лиара, протягивая к нему руку. — **СМОТРИ!**

Пространство схлопнулось в ослепительную точку, а затем взорвалось невыносимым холодом и вонью чужого мира. Переход был мгновенным и жестоким. Они рухнули на твёрдую, каменистую почву. Элион больно ударился коленями и локтями, кубарем прокатившись по земле. Когда он поднял голову, ванны, аромата Драгариуса и и всего остального, больше не было. Он стоял на четвереньках посреди ночной пустыни под двумя лунами. Одна, огромная и багровая, висела низко над горизонтом, заливая песок кровавым светом. Вторая, маленькая и белая, стремительно неслась по небу. Воздух был разреженным и ледяным. Вместо сладкого запаха цветов в ноздри забивалась пыль и сухой, колючий мороз. Он был голый. Совершенно голый, на промёрзшей земле. В этот момент он ещё не понял, что его жизнь кончена. Он даже не до конца осознал, что находится на другой планете. Он был просто ошарашен, дезориентирован. Его мозг отказывался принимать реальность. Он всё ещё был там, в тёплой воде, и отчаянно пытался понять: почему так холодно? Где его ванная? Почему он голый на земле? А рядом с ним, тяжело дыша, стояла Лиара.

Элион с трудом поднялся на дрожащие, непослушные ноги. Он был оглушён, сбит с толку. Это не мог быть не сон. Слишком холодно. Слишком твёрдо и больно под босыми ступнями. Он посмотрел на то место, где только что стояла Лиара. Пустота. Тишина. Лишь сухой, колючий ветер, которого не должно было быть в его модуле, хлестал по голым плечам, забирая остатки тепла. Он не видел в ней монстра. Он вообще ничего не видел. Его сознание отказывалось воспринимать реальность. *«Что... что это было?»* — мысль была вялой и чужой. Вместо обволакивающего тепла лазурной воды его кожу обжигал ледяной воздух. Вместо мягкого аромата Драгариуса в ноздри забивалась горькая пыль и запах озона, какой бывает после грозы. Но грозы не было. И ванны не было. И дома не было. Он стоял посреди каменистой пустоши, абсолютно голый. Паника ещё не пришла — её место занял липкий, парализующий ужас непонимания. *«Где я?..»*

Он поднял голову и замер. Над ним висело чужое небо. Багровое, цвета запекшейся крови. И на этом небе было две луны. Одна — огромная, низко висящая над изломанной линией горизонта. Вторая — маленькая, белая, стремительно несущаяся по небосводу. Это было неправильно. Такого не могло быть.

— Лиара? — позвал он дрожащим голосом, и звук показался ему жалким и тихим в этой мёртвой тишине. — Лиара! Это... это не смешно! Вернись!

Он зажмурился до цветных пятен под веками, а затем резко распахнул глаза, отчаянно надеясь, что сейчас всё вернётся. Что он увидит мягкий свет гидромодуля, почувствует тепло воды и услышит её смех. Ничего не изменилось. Холод пробирал до костей. Он обхватил себя руками за плечи, пытаясь согреться, и только сейчас до него начал доходить истинный масштаб катастрофы. Он был один. Голый. И неизвестно где.

Я смотрю на эту сцену из своего кабинета и знаю то, чего не знал тогда тот глупый мальчишка. Я знаю, что в ту секунду с ней произошла самая страшная трансформация. Вся её ярость, весь гнев, который она выплеснула на меня, испарились за один удар сердца. В её глазах тогда застыл ужас от совершенного ей. Наверное, она тогда смертельно испугалась. Она мгновенно поняла, что раскрыла себя перед Системой. Этот несанкционированный прыжок из жилого модуля — он не мог остаться незамеченным. Все сенсоры, все протоколы безопасности зафиксировали аномалию. Она выдала свой секрет. Выдала себя. И мгновенно обрекла меня. И именно этот её страх, именно это её паническое решение и стало определяющим в судьбе глупого мальчишки-гения.

Она сделала шаг назад. Потом ещё один. Её взгляд метался между мной и горизонтом, но она меня уже не видела. Она видела лишь призраков возмездия Системы. — Мне... мне нельзя здесь оставаться, — прошептали её губы так тихо, что я, оглушённый падением, скорее прочитал это по движению губ, чем услышал. — Они найдут меня. Система...

Она попятилась в темноту, отступая от меня как от прокажённого или от свидетеля своего преступления. — Лиара! — хрипло позвал я, делая инстинктивный шаг в её сторону.

— Нет, нет! Не подходи, не надо. — тихо проговорила она. Раздался звук рвущегося пространства, хлопок воздуха, заполнившего вакуум, и она исчезла.

Я остался один. На холодной, чужой планете под равнодушными лунами. А где-то далеко-далеко, в уютном модуле на пятидесятом этаже, система безопасности уже поднимала тревогу по протоколу «красный код». И для меня начался настоящий ад.

Мальчишка стоял босиком на промерзшем песке, но холод уже не был главной проблемой. Его колотило так, что он с трудом удерживался на ногах. Он снова попытался позвать Леару, но голос предательски исчез вместе с остатками самообладания. Он сделал несколько неверных шагов — ступни ног ломило от боли, словно он шел по битому стеклу. В голове крутилась только одна мысль: *«Это всё нереально. Это просто сон»*. Но это была реальность. Неотвратимая. Чудовищная. Абсолютно безжалостная. Ночью, голышом, в центре Антарглофийской пустоши его ждала стопроцентная смерть от переохлаждения через двадцать минут.

Так бы и случилось, если бы он упал или даже просто присел. Но он стоял во весь рост. Именно поэтому его заметил охотник. Он не видел, как над ним завис массивный силуэт транспортника. Внезапно невидимый силовой энергетик подбросил его в воздух, перевернул головой вниз и швырнул в открытый шлюз. Уже через пару секунд Элион со всего маху шлепнулся в не глубокую емкость, наполненную какой-то теплой, тягучей жидкостью. Она неприятно пахла чем-то химическим и слегка светилась мертвенным светом в полумраке грузового отсека. Но ему было все равно. Главное — она была теплой. Жидкость мгновенно высосала весь холод из промерзшего до костей тела. Стало легко, мышцы расслабились, и тут же потянуло в спасительный сон. Но где-то в подсознании зазвучал чужой, холодный голос. Он сказал одно слово: «Нельзя».

Я заставил себя открыть глаза. Мы были в отсеке не одни. Прямо рядом со мной, в этой же липкой и светящейся массе лежало существо, похожее на гигантского лонгостера. Его сегментированное тело было неестественно длинным, а десятки извивающихся щупалец лениво ощупывали пространство вокруг, словно пробуя плотность геля. Я смотрел на него и не мог понять, как оно может быть таким... живым.

— Это не он с тобой разговаривает, — прошелестело у меня в голове.

— А кто? — Инстинктивно спросил я вслух, пытаясь отползти подальше от мерзкого создания.

— Поверни голову направо.

Повернув голову, я увидел второе существо. Оно лежало в этой же ванне с желеобразной массой в другом углу отсека, и его вид вызывал не столько отвращение, сколько иррациональный, холодный ужас. Кожа существа имела бледно-зеленоватый оттенок и казалась полупрозрачной, под ней угадывалась сеть пульсирующих вен. Тело напоминало длинный тонкий сосуд с двумя неестественно тонкими руками и ногами. Несоразмерно большая голова вытянутой формы была абсолютно гладкой — ни рта, ни носа. Только два огромных яйцеобразных глаза без век.

Гелеобразная жидкость полностью отогрела меня. Она была странной: не прилипала к телу, а как только я попытался встать, мгновенно скатилась с кожи прозрачными каплями, не оставляя даже следов.

— Где мы? — Голосом спросил Элион, повернувшись к существу справа.

— Прошу тебя, не кричи. Говори мысленно. Я отлично тебя понимаю, но только ментально. Твой голос для меня бесполезен, — ответ пришел сразу, минуя уши. Мысли этого существа звучали ровно, без эмоций. — Мы на транспорте Охрасибов. Они отлавливают экзотических животных и продают их на рынках обитаемых миров.

— Но я не животное! — Поспешил возразить мальчишка.

Его красивое, стройное тело напряглось, выдавая отчаянную попытку сохранить достоинство. Если бы у этого странного существа был рот, он бы, наверное, посмеялся над этим жалким протестом.

— Ты знаешь мой язык?

— Конечно нет. Я транслирую в твой мозг мысленные образы. А твой мозг преобразует их в понятный для тебя алгоритм. Слева от тебя эскндарфин. Это тупое животное. Следи за её щупальцами. Ей надо спариться с любым существом. Её щупальца проникнет в твое тело через любое отверстие, отложит там свои яйца, и через шесть квадронов из тебя вылезут маленькие эскндарфинчики. Предварительно они сожрут все твои внутренние органы.

Мальчишка машинально отодвинулся подальше от странного существа, но это не помогало. Его щупальца тянулись ко мне, извиваясь и подрагивая от нетерпения.

— Размахнись и посильнее ударь, — снова прозвучало в моей голове.

Уговаривать меня было не нужно. Мальчишка, что есть силы, врезал кулаком по ближайшему щупальцу. Существо издало мерзкий булькающий звук и втянуло свои отростки.

Я повернул голову и посмотрел на своего собеседника — на моего спасителя и собрата по несчастью.

— Как мне тебя называть? — Спросило странное существо.

— Элион. — Бойко ответил мальчишка и подсел поближе к странному собеседнику.

В его положении любой, кто мог говорить на его языке, был потенциальным спасителем.

— Для меня можешь выбрать любое имя. У нашего вида нет имён. Другая форма общения и классификации.

— Можно я буду звать тебя Элайза?

— Ну, вот и познакомились.

— Ты сказал, они ловят животных... Кто эти "они"? И я точно не животное!

— Они — Охрасибы. Весьма жестокие и прагматичные существа. И для них ты — обычное животное. Ты бегал голышом по пустыне и не издавал звуков, понятных их слуху. Ты — идеальный товар.

Элайза подошел к мальчишке и стал внимательно его рассматривать. Он обошел его по кругу, как ценитель осматривает редкий и хрупкий экспонат. Потом его тонкая рука скользнула вдоль живота Элиона. Цепкие пальцы с неожиданной силой обхватили мой мальчишеский секрет. Я стоял почти не дыша, парализованный страхом и стыдом, слегка поджимал правую ногу. А он внимательно рассматривал мое достоинство, поворачивая его из стороны в сторону, словно оценивая товар. Температура его тела и рук была на много меньше моей. Поэтому я ощущал в своих интимных местах неприятный холод но, возмутиться, не смел.

В какой-то момент я подумал: еще несколько периодов назад этот секрет ласкали руки Леары. Ее прикосновения были полны нежности, тепла и любопытства. А теперь этот интимный секрет оказался в руках существа с другой галактики, который оценивал его с холодным прагматизмом биолога или работорговца. Контраст был настолько ошеломляющим, что к горлу подкатила тошнота.

Элайза закончил свой безмолвный осмотр и отступил на шаг.

— Ты — уникальный экземпляр. Твоя анатомия представляет ценность для коллекционеров с Ми-Гора. За такое чудо на арене дадут целое состояние.

И тут он сделал то, что окончательно разрушило мою картину мира. Он не просто отошел к стене — он подошел к небольшой панели управления, встроенной прямо в обшивку отсека. Его тонкие пальцы с невероятной скоростью забегали по светящимся символам.

Я понял всё мгновенно. Он не был пленником. Он не был жертвой монстра со щупальцами. Он был здесь у себя дома.

— Ты... член экипажа? Пожалуйста... отвезите меня домой... — буквально простонал Элион.

В его голосе прозвучала такая отчаянная надежда, что даже это бесстрастное создание на мгновение замолчало.

— Здесь никто не знает, где твой дом. Твой вид уникален. И тебе придётся привыкнуть к мысли, что ты просто животное и хороший товар.

Элайза слегка вытянул вперед свою тонкую руку и направил ее на эскндарфина. Одно из щупалец мгновенно взвизгнуло на ультразвуке и обмякло, перестав двигаться.

— Я отключил его двигательные функции. Он тебя больше не побеспокоит. Отдыхай, — равнодушно сказало существо.

Элион опустился на колени, закрыв лицо ладонями. Его идеальное мальчишеское тело била крупная дрожь но, не от холода. Стресс делал свое дело. Желеобразная масса теперь скрывала его мальчишеский секрет, так бесцеремонно облапанный этим странным существом.

— Можно мне какую-нибудь одежду? — Ответ прозвучал как приговор:

— Нет. Одежда — это признак разумности существ. А торговля разумными существами — преступление. Ты будешь голый. Ты должен быть товаром, временно.

С этими словами в противоположной стене мгновенно появилось отверстие, и Элайза ушел через служебный проход.

Я ещё долго сидел там, обхватив колени, и думал о том, как быстро можно превратиться из гения инженерии в просто «животное». И о том, что мой единственный собеседник на этом корабле оказался моим тюремщиком. Отчаяние, холодное и липкое, начало заполнять меня изнутри.

Мои размышления прервал звук. Это не был ментальный голос. Это был — звук открывающегося шлюза. В стене, противоположной той, куда ушёл Элайза, открылся широкий проём. В него хлынул яркий, слепящий свет, от которого я инстинктивно зажмурился. В проёме стоял Охрасиб.

Он был огромен. Его кожа имела оттенок старого камня, а всё тело покрывала мелкая чешуя. Он был выше меня на две головы и гораздо шире в плечах. Из одежды, на нём был лишь широкий пояс с какими-то инструментами и ошейник, от которого к потолку тянулся силовой кабель. Он не издал ни звука. Он просто смотрел на меня — или мне так казалось, потому что его глаза были скрыты за тёмной матовой пластиной визора.

А затем в отсек ворвались другие. Они были меньше, с более гладкой кожей — видимо, низшая каста или рабы. Они действовали молча и слаженно. Двое из них подхватили меня под руки, выдергивая из остывающей ванны. Я был слишком слаб и ошеломлён, чтобы сопротивляться.

Меня протащили по длинным, стерильным коридорам. Запах корабля был чужим — озон, металл и что-то ещё, неуловимо органическое. Меня втолкнули в небольшое помещение, залитое ярким белым светом. В центре комнаты стояло странное устройство, похожее на медицинское кресло с сотнями манипуляторов.

Охрасиб-врач — я понял это по его поясу — подошёл ко мне. Он не говорил. Он просто провёл каким-то сканером вдоль моего тела, издавая серию щелчков и ультразвуковых трелей. В моей голове не возникло ни одного образа. Он просто фиксировал данные: рост, вес, плотность костной ткани, состав крови.

Затем меня заставили лечь в кресло. Манипуляторы пришли в движение. Одни брали образцы тканей, другие светили в глаза, третьи вводили какие-то препараты. Я кричал. Я умолял их остановиться на всеобщем языке, на диалектах окраинных систем... Тишина была мне ответом. Для них я был куском мяса.

А потом начался настоящий кошмар. Мне в горло вставили осмотровый зонд. Меня рвало, но на это не обращали внимания. Я давился и хрипел, чувствуя, как гладкий металл царапает гортань. Но это было только начало. Такой же зонд, холодный и скользкий, ловко нашёл моё заднее отверстие и бесцеремонно двинулся вглубь прямой кишки.

Это было больше чем боль. Это было запредельное унижение. Я закричал так, как не кричал никогда в жизни. Это уже было больше похоже на изнасилование, чем на медицинский осмотр. Хотя для меня тогда это и было именно оно — холодное, механическое насилие над моим телом. В теле мальчишки там, где априори должно быть только одностороннее движение, теперь с методичной жестокостью двигался инопланетный инструмент.

Но самым унизительным был не сам осмотр. Когда меня подняли с кресла и повели обратно в «загон», я увидел других пленников. Разные формы, виды... И все они были голыми, как и я. Но когда мы проходили мимо клетки с парой шестилапых существ, похожих на огромных гладкошёрстных Хазеразов, только с треугольными ушами и вытянутыми мордами с множеством длинных усов, я увидел то, от чего меня затошнило.

Охрасиб-надсмотрщик открыл их клетку и бесцеремонно швырнул туда одного из моих сопровождающих — того самого раба с гладкой кожей. Шестилапые тут же набросились на него. Это не было дракой за территорию или еду. Это было спаривание. Грубое, животное спаривание. Один шестилапик держал бедное существо с гладкой кожей, а второй бесцеремонно спаривался с ним. Потом они поменялись местами.

В тот момент я понял всё окончательно. Я был не просто «уникальным товаром». Я был потенциальным самцом-производителем. Моё красивое тело, мой «мальчишеский секрет», который так нежно ласкала Леара, и так холодно оценивал Элайза, для Охрасибов, это была лишь характеристика племенного скота.

Меня втолкнули в мою камеру — тесный куб из металла с силовым полем вместо одной из стен. Силовое поле неприятно покалывало кожу при прикосновении. Я забился в угол, обхватив себя руками. Я больше не дрожал от холода или страха перед щупальцами эскндарфина. Я дрожал от осознания своей полной беспомощности.

Прошло несколько часов. Я сидел на полу, слегка подогнув ноги, когда мой беспокойный сон прервал сиплый крик из соседней камеры. Я поднял глаза и увидел то, что породило во мне животный страх и панику.

В камере напротив, мучилось существо, с которым спаривались шестилапые. Оно изгибалось от боли, хрипело, и у него изо рта вытекала прозрачная жидкость. Буквально через пару минут для этого существа начался сплошной ад. Оно билось в конвульсиях, хрипело до крика, его конечности постоянно колотили по полу. Оно пыталось встать, но тут же падало и снова пыталось встать.

Шестилапым надоело смотреть на эти попытки. Они подошли к бедному существу и молниеносными движениями оторвали ему конечности. Теперь его тело просто лежало на полу и билось в конвульсиях, истекая прозрачной жидкостью из тех мест, где раньше были руки и ноги.

Мальчишка от страха забился в самый дальний угол своей камеры, но продолжал смотреть на весь этот ужас. Однако ужас был ещё впереди.

В какой-то момент бедное существо притихло, как будто умерло. Но уже через мгновение его тело буквально затрясло в конвульсиях с новой силой, а кожа стала лопаться со звуком рвущейся ткани. Слышался треск ломающихся костей. И наружу стали буквально вываливаться маленькие существа, отдалённо напоминающие по своей форме шестилапиков. Их было ровно шесть. Они издавали мелодичный звук, чем-то напоминающий звук мяу. Взрослые шестилапые медленно приблизились к разорванному телу родителя, и обнюхав новорожденных принялись с аппетитом их пережёвывать. Они успели съесть по одному маленькому шестилапику, прежде чем ворвавшийся в камеру Охрасиб отогнал их в дальний угол.

Он собрал оставшихся новорожденных в прозрачный контейнер, а потом с силой пнул растерзанное тело существа так, что оно отлетело в тот же угол, где сейчас сидели озлобленные шестилапики. Они тут же принялись терзать его плоть, наслаждаясь свежим мясом. Выходя из камеры, Охрасиб впихнул туда следующую жертву — ещё одного раба с гладкой кожей.

От всего увиденного у мальчишки случилась истерика. Он кинулся в проём своей камеры, пытаясь вырваться наружу. Энергетический барьер сработал как ударная бита невидимого гиганта, откинув Элиона почти к противоположной стене. Я ударился головой о металлический пол и потерял сознание. Но не от удара я его потерял. От страха. Когда я очнулся, то лежал уже не на холодном полу камеры для животных. Я лежал в знакомом медицинском кресле. Рядом стоял Элайза и Охрасиб-врач.

— Охрасиб очень извиняется перед тобой за это недоразумение, — предельно чётко транслировал Элайза. — Ему очень жаль, что тебе пришлось это увидеть. Поместить тебя в отсек с животными было глупым решением, из-за твоей уязвимой психики. — Тебе нечего бояться больше... Успокойся... Ты останешься здесь... под присмотром доктора... — его мысли были холодными и ровными. Элайза говорил от имени Охрасиба так же равнодушно, как раньше отключал эскндарфина.

Я смотрел на них сквозь пелену слёз и понимал: этот страх теперь останется со мной навсегда.

Медик-Охрасиб внимательно рассматривал мою голограмму на тактической панели. Точнее, голограмму моего внутреннего устройства, анатомическую схему в разрезе. Он поворачивал её со всех сторон, делал какие-то пометки в электронном журнале, голограмма которого также парила рядом. Он быстро нажимал на светящиеся символы на панели, и те, слегка моргнув, отзывались строчной записью в журнале.

Я по-прежнему полулежал в медицинском кресле, которое на самом деле было сложной многофункциональной капсулой. Я рассмотрел это как инженер. Её конструкция была идеальна: гладкие, бесшовные переходы, способность трансформироваться из кресла в стол или даже в полноценный операционный блок. Это не ускользнуло от моего внимательного взора, даже учитывая моё крайне возбуждённое состояние. Буквально на срыве психики. Я старался дышать ровно, делая глубокий вдох и задерживая дыхание. Помогало плохо, но постепенно начинало действовать. Правда, очень медленно.

Через некоторое время Охрасиб подошёл ко мне с каким-то прибором в руке — гладким, блестящим цилиндром. Он молча протянул его мне и показал жестом, что предмет нужно зажать в руке. Я был слишком слаб и подавлен, чтобы сопротивляться или задавать вопросы. Я сделал, как он сказал.

Охрасиб ещё некоторое время смотрел на показания прибора, а затем достал из маленького кейса блестящий шарик и протянул его мне, показав жестом, что его надо положить в рот. Я снова не стал ничего спрашивать. Мне было физически плохо от перенесённого стресса: подташнивало, болела голова. Я положил шарик под язык, и он мгновенно растворился. По всему телу пронеслось приятное тепло. Почти сразу пропала тревога, дыхание стало ровным. Ушли головная боль и тошнота. Во всём теле пропала тяжесть. Вернулось желание жить.

Я поднял удивлённый взгляд на Охрасиба. Он понял всё мгновенно — сработало. Он только что оказал помощь существу из другой галактики. Он первый сделал то, чего не делал в обитаемых мирах никто. Он сделал странный жест руками — сложил их на груди — но я интуитивно понял: он сказал: «Мы с тобой молодцы». Охрасиб вышел из отсека, оставив меня одного.

Уже через несколько квантомов я осмелел. Я полностью восстановился физически и морально. От стресса не осталось и следа. Я встал со своего кресла и принялся обследовать медотсек. Первым, что привлекло моё внимание, была тактическая панель и открытый над ней голографический модуль-интерфейс.

Запись стоп. Сделать архивную метку от слов «модуль-интерфейс».

Мальчишкой я был очень сообразительным. Мне достаточно было только начать, а закончить было делом времени и техники. Я внимательно рассмотрел модуль. Попробовал дотро-

нуться до одного из символов — и тот отозвался всплывающим информационным окном. Это была просто удача.

Я смотрел на символы — угловатые, геометрически выверенные знаки — и начал экспериментировать. Я переключал информативные каналы: с анатомии на энергетические показатели корабля, затем на навигационные карты и параметры жизнеобеспечения. В зависимости от увиденного я делал тот или иной вывод по смысловому значению символов.

Я точно не помню, сколько прошло времени — я потерял ему счёт. Но в какой-то момент сработал закон перехода количества в качество. И я отчётливо стал понимать, что все символы подчиняются строгой логике и общепринятым языковым нормам. Я очень быстро разобрался с группировкой символов: их оказалось всего пять основных групп. В отличие от моего языка, где групповых символов было пятнадцать. Отличие было лишь в нагруженности каждого символа действием и контекстом. Но при визуальном контроле я уже мог полностью навигировать в интерфейсе и понимал смысл выводимой информации.

Это меня захватило полностью. Я буквально поглощал информацию, впитывал её в себя как морская губка. Вдоволь наигравшись с интерфейсом управления медотсеком, я подошёл к противоположной стене. Она была абсолютно зеркальной.

Я смотрел на себя в полный рост и понимал, что моим родителям удалось сделать очень неплохой экземплярчик. Даже шрамов не было — медкапсула залечила всё. Я даже стал понемногу привыкать к своей постоянной наготе.

Я неосознанно вспомнил про ласковые руки Леары... Мгновенно получил ответную реакцию своего маленького мальчишеского секрета, который предательски принял боевую стойку. Хотя надо сказать честно, секрет у мальчишки был совсем не маленький.

Я сейчас вспоминаю этот момент с улыбкой — это было просто здоровое мальчишеское тело. Организм не обманешь.

— Ну конечно... — раздосадовано тогда произнёс я вслух в пустой комнате. – Не хватает только Охрасиба, чтобы вот именно сейчас он вошёл в отсек.

Так и случилось. Дверь шлюза предательски прошипела, и в отсек вошёл доктор. Мальчишка машинально прикрылся ладошками. Но Охрасиб мгновенно всё понял. Он издал несколько писклявых звуков — я тоже понял. Понял, что он смеётся надо мной. Я ещё больше засмущался.

— Лучше бы трусы мне дали, чем ржать надо мной! – тихим и обиженным голосом сказал я вслух, не ожидая ответа.

— Не можем, я же тебе объяснил. Пока будешь голый. — Прозвучал в моём сознании знакомый ментальный голос Элайзы.

От возмущения я чуть не выкрикнул ответную мысль вслух. Потом вспомнил, что это бесполезно.

— Элайза! Ты что... следишь за мной? — мысленно возмутился я.

— Нет, это делает твой доктор. Мы просто перехватываем его биометрию.

— Мне очень неловко! Мне просто стыдно! Мне ужасно!

— А вот твой дружок другого мнения! — ехидно заметил Элайза. — Он считает, что вам уже намного лучше и пора спариваться.

— Элайза! Прекрати! Ты меня в краску вгоняешь!

— А чего тут стыдного? Что у столь молодого представителя твоего вида наступило время половой активности? Это совершенно нормально! И мы очень рады! Функциональность твоего органа... как это у вас говорится... налицо! Это полезно для цены! Но, самочки твоего вида у нас нет. Так что можешь сбросить напряжение самостоятельно. Я надеюсь, родители рассказали тебе как это делать? Если нет, тоя могу подсказать. Ты левша или правша?

— Элайза, немедленно перестань. Я не буду этого делать.

— Ну, как знаешь. Я помочь хотел.

Я мысленно просто взорвался от возмущения и смущения одновременно.

— Ну конечно, смешно тебе! Трусы мне дайте!

— Нет. Всё, отдыхай. Постарайся расслабится, и дружка своего порадуй, нежно.

Связь прервалась так же внезапно, как и началась.

Я в тот момент снова перевёл взгляд на себя в отражении стены, потом опустил взгляд вниз... И подумал: «А почему бы и нет?».

Я лежал в медицинской капсуле и прислушивался к звукам. Слабый, на грани слышимости электрический гул едва уловимо урчал где-то в недрах реактора. Мальчишка чётко различал этот звук, отфильтровывая его от десятков других. Он давно его знал — это был тихий, монотонный гул разгоняющегося реактора.

Корабль готовился к прыжку. Набирал скорость и выходил на расчётный курс. Элион был спокоен. Он не боялся. Он ждал, когда этот тихий гул плавно трансформируется в абсолютную, звенящую тишину. Это будет означать, что транспортник вошёл в поток.

В этот момент всё менялось. За пределами обшивки пространство-время переставало быть линейным. Пространство позади корабля чудовищно искривлялось, свиваясь в тугой кокон, который, подобно гигантской пружине, толкал корабль вперёд. Время внутри «пузыря», в котором находился корабль, продолжало течь линейно для нас, но для остальной вселенной оно искажалось вместе с пространством. Мы не летели сквозь космос — это космос сам сжимался позади нас и разворачивался впереди.

Гул реактора был звуком обычного движения. Тишина же означала, что мы больше не в обычном пространстве. Мы были в прыжке.

Я закрыл глаза и стал ждать наступления этой тишины. Для существа с моим складом ума это было почти... завораживающе. Я лежал голый в инопланетной медкапсуле, сломленный и униженный, но часть меня — та часть, что была гением инженерии — с холодным любопытством ждала момента, когда законы физики вокруг нас изменятся.

К тому времени, когда гул реактора окончательно растворился в звенящей тишине прыжка, мальчишка всё ещё, лежал в своём медицинском комплексе, обсасывая своим пытливым умом одну весьма дерзкую идею. Он стал мысленно, с маниакальной периодичностью, повторять одну и ту же фразу, варьируя лишь частоту и интонацию.

— *Элайза, пожалуйста, ответь мне... Элайза, пожалуйста, ответь...* — И так сотни раз. Мальчишка был упрямым. Если уж он решил проверить теорию, то делал это качественно, с почти извращённым научным наслаждением. Он не просто посылал сигнал — он его модулировал, превращая мольбу в математическую последовательность.

И вот, через некоторое количество времени, когда тишина в медотсеке стала физически ощутимой, в его сознании раздался раздражённый, скрипучий голос:

— *Всё, прекрати немедленно. Гадкий мальчишка. Кто меня сдал? Этот тупой Охрасиб?*

— *Оу, Элайза! Ты всё-таки ответил. Привет.* — Совершенно искренне обрадовался Мальчишка. Он даже приподнялся на локтях, хотя в этом не было никакой физической необходимости. Ещё один его эксперимент завершился полным успехом. Ещё один способ связи, только что был разработан нашим юным гением.

— *Не сердись, это не он. Это я сам догадался. Поговори со мной, пожалуйста. Я не могу больше слушать эту тишину.*

— *Будешь мне надоедать — брошу тебя в клетку к шестипалым, и вместо двух у меня будет восемь шестилапых.*

— *Я знаю, ты так не сделаешь. Ты слишком добрый и прагматичный. Я стою дороже.*

Элайза мысленно выдохнул.

— *Ладно, говори, чего хотел?*

— *Трусы?*

— Нет!

— Ну, я не мог не попробовать. Тогда расскажешь, куда мы летим?

Элайза некоторое время молчал. Потом снова мысленно выдохнув, сказал:

— Надо было дать тебе там замёрзнуть. Подобрали бы потом твою замёрзшую тушку, вознаграждение было бы таким же, я думаю.

— А вот и нет. Живые экземпляры ценятся дороже.

— Некогда мне сейчас. Поболтаем позже. И не вздумай кому-нибудь рассказать, как со мной можно связываться. А то точно скормлю тебя шестилапым. Элайза сделал паузу. *— Хотя... о чём это я? Ты же не можешь никому рассказать. Ты здесь один.*

На этих словах Элайза прервал общение. В полной и абсолютной уверенности, что его тайный канал обратной связи теперь в полной безопасности.

О-о-о, как же он ошибался.

«Рассказать» я, конечно, никому об этом успехе не мог. А вот **написать**... Я теперь мог написать всё что угодно. Прямо на модуль-интерфейсе. Что я незамедлительно и сделал.

И теперь мы вдвоём с доктором (который с профессиональным интересом наблюдал за моими манипуляциями) сидели и ждали, когда в медотсек примчится раздосадованный Элайза.

Так и случилось. Дверь мягко прошипев, открылась, и в проёме стоял Элайза. Он посмотрел на наши довольные лица и, переведя взгляд на меня, спросил:

— Ну и как ты это сделал?

Я встал с кресла и, подойдя к тактической панели, вызвал модуль-интерфейс. Медленно и демонстративно я набрал на нём слово: **«Сделал легко. Играючи»**.

Элайза покачал головой. Потом мысленно выдохнув, сказал: *— Надо было тебя скормить шестилапым раньше.* Потом перевёл взгляд на доктора и добавил: *— И тебя тоже. — До конца сессии прыжка не хочу вас слышать.*

Дверь закрылась за ним так же мягко, как и открылась. Мы с доктором переглянулись и синхронно улыбнулись. Тишина уже не казалась такой гнетущей. В ней появился новый звук — звук моей маленькой победы.

Тогда этот глупенький мальчишка ещё не знал, что этот транспортник и его экипаж — это, пожалуй, самое безобидное и самое удачное, что с ним случилось. Учитывая всю чудовищность этой истории.

Корабль давно вышел из прыжка и направлялся к своей цели, о которой мне, конечно же, ничего не было известно. Я довольно быстро освоился в медотсеке и много времени проводил, изучая символы на модуль-интерфейсе. И даже стал по немного забывать весь тот ужас, который случился со мной. Но, что то очень очень хорошее, как и очень очень плохое, не может длиться очень очень долго. В какой-то момент в моей голове тревожно прозвучал голос Элайзы:

— Быстро в кресло и зафиксируйся.

Уговаривать меня было не надо. Мальчишка понял всё мгновенно. Корабль готовился экстренно прыгнуть. Мой прыжок в кресло был не менее стремительным. Я лежал в кресле и чутко прислушивался к звукам, пытаясь уловить тот самый момент перехода. Я ждал, когда привычный гул реактора начнёт нарастать, переходя в ту самую звенящую тишину. Но вместо этого я услышал другой звук. Это была чёткая последовательность событий, которую мой слух инженера распознал мгновенно: **резкий скачок тона** силовой установки: она взвыла на форсаже, выходя за пределы штатного режима, **протестующий визг компенсаторов инерции**, которые пытались сгладить запредельные перегрузки. Начался разгон для прыжка. И вдруг... **обрыв.** Гул не перешёл в тишину. Он просто оборвался, сменившись коротким сигналом тревоги по внутренней связи.

— Они не успели. — Эта мысль, стрелой промчалась в моей голове.

Вместо звенящей пустоты прыжка раздался звук **принудительной стыковки**. Тяжёлый шлюзовой узел более мощного корабля насильно состыковался с нашим приёмным портом, силой преодолев сопротивление автоматики транспортника. Звук был похож на то, как если бы гигантский пресс медленно, но неотвратимо сдавливал пустую консервную банку. Транспортник содрогнулся всем своим огромным телом, но не от удара, а от плавного, мощного рывка, который подтащил нас к борту второго корабля. Сначала раздалось низкое гудение системы жизнеобеспечения, которое плавно сменилось едва уловимым шипением стравливаемого давления. Затем по корпусу прошла серия коротких, глухих ударов — это магнитные захваты намертво впились в обшивку нашего транспортника.

Дверь отсека не открылась с грохотом. Она просто исчезла. Секция переборки бесшумно втянулась в стену, открывая проход, и в проёме появились фигуры Охрасибов. Это были не члены экипажа. Их силуэты, застывшие в проёме, излучали холодную, профессиональную угрозу. На них была не просто «чёрная форма», а сегментированная боевая броня из матового, поглощающего свет композита, которая делала их фигуры ещё более массивными и бесформенными. За плечами у каждого висело не «компактное оружие», а интегрированные импульсные излучатели, чьи хищные раструбы были направлены точно в центр отсека.

Но по-настоящему мой взгляд приковало их снаряжение для отлова. На поясах крепились не «дубинки», а генераторы сдерживающего поля, от которых к запястьям тянулись тонкие, как волос, кабели управления. Рядом с ними покоились не «сети», а компактные сферы, которые при активации разворачивались в трёхмерную паутину из мономолекулярных нитей, способных удержать даже разъярённого эскндарфина. А то, что я назвал «удавкой», на деле было силовым ошейником-фиксатором — живым, пульсирующим кольцом энергии, которое сжималось по команде, перекрывая доступ к кислороду. Они были экипированы не для боя. Они были экипированы для **конфискации**.

Они действовали молниеносно, как единый, хорошо отлаженный механизм. Не прошло и секунды, как один из них уже набросил мне на шею холодную, упругую петлю силовой удавки, которая тут же затянулась, лишив возможности кричать. Другие двое зафиксировали мои руки и ноги магнитными зажимами, которые впились в кожу через боль. В рот был вставлен специальный фиксатор-кляп, разом оборвавший все попытки позвать на помощь. Я истерически звал Элайзу мысленно, но он молчал. Бросил. Предал.

Охрасибы стащили меня с кресла на пол. Мои босые пятки безвольно бились о холодный настил палубы, пока они волоком тащили меня по коридорам транспортника в сторону погрузочного шлюза. Я видел лишь мелькающие световые панели на потолке и слышал собственное сдавленное мычание.

Меня запихнули в большой контейнер, похожий на клетку для перевозки особо опасных хищников. Контейнер захлопнулся, отрезав от меня последние остатки надежды. Через несколько минут он отправился на их патрульный корабль вместе с другими такими же контейнерами, в которых находились конфискованные животные.

В самый последний момент, когда шлюз между кораблями закрывался, в голове Элиона всё-таки прозвучал тихий, почти неслышный голос Элайзы: — *Я найду тебя. Не пытайся им что-то объяснить. Они не станут тебя слушать. Ты для них животное. И ещё... шестилапые, на самом деле — трусливые. Они полностью подчиняются доминанту.* Это было всё, что Элайза тогда сказал мальчишке.

Я снова был унижен, связан и брошен в транспортный контейнер. Но это было не просто неудобство. Это была пытка. Магнитные фиксаторы, казавшиеся поначалу просто жёсткими, теперь превратились в раскалённые обручи боли. Руки, заведённые за спину, онемели до полного бесчувствия, а затем их начало жечь так, словно по венам пустили кислоту. Ноги в коленях и лодыжках выкручивало под неестественным углом, и каждое, даже самое незаметное

движение, попытка хоть на миллиметр сменить позу, вызывала вспышку острой, режущей боли там, где холодный металл впивался в плоть.

Я пытался кричать, но пересохшее горло выдавало лишь глухое, животное мычание. Кляп во рту превратился в источник удушья и тошноты. Слёзы сами собой хлынули из глаз. Я больше не был гордым гением. Я был просто испуганным, измученным мальчишкой. Я тихонько скулил и плакал — не от жалости к себе, а от невыносимой физической муки и первобытного ужаса перед этой абсолютной неподвижностью. Я хотел просто пошевелить пальцами на ноге, чтобы унять судорогу, но любое усилие отзывалось новой волной агонии.

Я сдался. Я перестал бороться. Я просто лежал на полу контейнера, позволяя боли и страху захлестнуть меня с головой, пока сознание не начало затухать.

В какой-то момент ящик открыли. Существо, не похожее ни на Охрасиба, ни на Элайзу (оно было более гуманоидным), наставило на меня какой-то прибор. Раздался лёгкий шипящий звук, и я провалился в глубокий сон.

Проснувшись, я всё ещё был в том же контейнере. Но уже без фиксаторов на руках и ногах, и во рту не было кляпа. Место в контейнере оказалось достаточно просторным. Внутренняя часть была покрыта мягкой обивкой. Я вытянул затёкшие ноги и просто попытался расслабиться. Этот контейнер, хотя и был моей тюрьмой, давал мне чувство защищённости от неведомого внешнего мира. Я свернулся калачиком на мягком полу и закрыл глаза, ожидая того, что будет дальше.

Я не знал какое количество времени прошло но, очевидно не слишком много Я ещё не успел в полной мере насладится тишиной и уютом этого ящика для животных. Контейнер открылся. Но, меня не вывели — меня вытащили. Двое Охрасибов в чёрной броне вошли в отсек. Они не смотрели на меня. Их фасеточные глаза за визорами были устремлены на мониторы на запястьях. Они наблюдали. Они анализировали.

В течение нескольких часов, пока я лежал в своей «мягкой» тюрьме, я слышал их ультразвуковые переговоры. Они пытались идентифицировать мой вид. Они сканировали мою голограмму, искали совпадения в галактических справочниках, но не находили ничего. Я был неизвестной переменной. А с неизвестными переменными Охрасибы поступали просто: они проводили тесты.

Цель была проста и жестока: определить мою функцию в их экосистеме. Я был хищником? Или я был кормом? Чтобы это выяснить, они решили использовать самый прямой и надёжный метод.

Дверь моего отсека снова открылась. Вошли двое. В их движениях не было ни спешки, ни злобы — лишь холодная, профессиональная рутина мясников на бойне.

Ошейник на моей шее мгновенно ожил. Он не просто сдавил — он **впился**. Сжал с такой силой, что я услышал хруст собственных позвонков. Я рухнул на пол, задыхаясь. Воздух! Мне нужен был воздух! Я выгнулся дугой, пытаясь подсунуть дрожащие, онемевшие пальцы между своим горлом и сдавившей его удавкой. Безуспешно.

Один из Охрасибов придавил меня коленом к полу, вдавливая лицо в мягкую обивку контейнера. Я почувствовал, как мои руки грубо завели за спину и зафиксировали новыми магнитными зажимами.

А затем я почувствовал их снова. Ненавистные зонды.

Сначала — резкая, ослепляющая боль между ног. Холодный, скользкий металл вторгся в меня без предупреждения, без смазки, без сострадания. Я закричал бы, но не мог издать ни звука. Это было не медицинское обследование. Это было **механическое изнасилование** — холодная, клиническая процедура по сбору данных.

Не успел я перевести дух от первой волны боли, как мой рот силой разжали. В него вставили металлический расширитель, не давая челюстям сомкнуться. И тут же в глотку вошёл

второй зонд. Меня рвало желчью и желудочным соком, но из-за расширителя всё это шло не наружу, а внутрь, в дыхательные пути. Я захлёбывался, я умирал от удушья прямо там, на полу.

Они взяли всё, что хотели: образцы тканей, генетический материал, данные о строении внутренних органов. Когда они закончили, один из них просто выключил ошейник.

Я обмяк на полу, хрипя и кашляя, обливаясь собственными слюнями и рвотой. Боль была повсюду: в горле, в паху, в затёкших руках. Они не издали не единого звука. Просто вышли из отсека, оставив меня лежать в луже собственной рвоты.

Но, они вернулись. Прошло немного времени — может, час, а может, вечность. Дверь снова открылась. На этот раз они пришли с решением.

Я был слишком слаб, чтобы сопротивляться. Ошейник снова ожил на секунду, лишь для того, чтобы я не дёргался, пока они тащили меня к шлюзу. Один из них схватил меня за ногу и поволок по полу как тряпичную куклу.

Шлюз отсека с шестилапыми открылся, обдав меня волной их мускусного запаха и тихого урчания. Меня швырнули внутрь как кусок мяса собакам.

Дверь закрылась.

Я лежал на полу их отсека — голый, униженный, сломленный физически и морально. Я ждал смерти. Ждал, когда они набросятся на меня.

И вот тогда я вспомнил слова Элайзы: *«...шестилапые, на самом деле – трусливые. Они полностью подчиняются доминанту».*

Дерзость, была последним, что у меня осталось. Совершенно искренняя мальчишеская дерзость. Она выжгла страх.

Как только первый зверь приблизился и ткнулся мокрым носом мне в бок - я ударил. Со всей силы, на которую был способен мой измученный организм. Босая пятка врезалась в его чувствительный нос. Существо взвизгнуло на ультразвуке и отскочило в дальний угол отсека. Второй даже не рискнул подойти.

Тишина.

Я с трудом сел на полу оперевшись спиной на стену. Они смотрели на меня из своего угла — уже не как хищники на добычу, а как побитые псы на нового хозяина Я понял всё мгновенно. Это был мой единственный шанс выжить. Мальчишка медленно поднялся на ноги. Выпрямился во весь рост и посмотрел на них сверху вниз.

— Лежать! — прохрипел я сквозь пересохшее горло. И они легли. Оба сразу же опустились, прижав животы и усатые мордочки к полу.

Я подошёл к ним и сел рядом. Протянул руку и положил её на гладкую шерсть одного из них. Он вздрогнул, но не шелохнулся.

Я начал их гладить. Медленно, методично. Я говорил с ними — не придавая особого значения словам, они были не важны. Я дал им понять, что я не враг но, я сильнее.

И они слушали своего нового вожака. И в какой-то момент один из них осмелел настолько, что положил свою узкую мордочку мне на ногу. Потом слегка повернул свою усатую мордашку и лизнул меня в живот. Это был знак. Знак того, что мы теперь одна стая, мы семья.

Я сидел там — голый, измученный, изнасилованный мальчишка в клетке с хищниками. Но я был жив. И в первый раз за свою недолгую жизнь я усомнился в подобной удаче.

Физическая боль от зондов отступала, сменяясь ноющей пустотой и звенящим гулом в голове. Я смотрел на свои дрожащие руки, на синяки от фиксаторов, на свои голые ноги. На внутренней стороне которых засохли бурые струйки крови. Казавшиеся теперь почти чёрными в тусклом свете отсека. Они бурыми капельками засохли в районе щиколоток

Это было не просто унижение. Это было изнасилование, второе изнасилование хрупкой мальчишеской психики. Унизительное обследование. Они даже не сочли нужным использовать гель или смазку — холодный металл просто рвал плоть, оставляя после себя кровавые ранки. Теперь, каждый раз, когда я инстинктивно пытался свести ноги вместе, напрягать мышцы яго-

диц, чтобы хоть немного унять зудящую боль, где-то внутри меня, вскрывались ранки, вызывая новую вспышку острой, дергающей боли. И струйки свежей крови снова устремлялись к щиколоткам.

И в первый раз тогда в голову мальчишке, холодным слизняком, буквально вползла эта страшная мысль: *«Может, было бы лучше тогда упасть... и тихо замёрзнуть в этой пустоши»*.

Мысль была кощунственной. Замёрзнуть насмерть под двумя лунами казалось более милосердным исходом, чем медленное унижение в статусе «живого корма» или лабораторной крысы. Смерть от холода была быстрой и чистой по сравнению с тем механическим ужасом, который только что сотворили с моим телом.

Мальчишка полностью отодвинулся от стены и вытянулся на полу. Шестилапики, которые лежали у моих ног, мгновенно вытянулись вдоль моего тела слева и справа, обняли меня своими широкими лапами, положив мордочки мне на плечи. Иногда они облизывали меня своими шершавыми языками. Они обнимали меня с двух сторон, укрывая лапами как одеялом. Их нежная шерсть согревала, и боль постепенно отпустила меня. Я медленно проваливался в сон.

В какой-то момент мальчишка утратил ощущение времени. Я не понимал, сколько здесь нахожусь. Дни или недели слились в один бесконечный, серый цикл. Время для меня перестало существовать, и с каждым оборотом этого колеса угасала надежда. Нет, даже не на спасение — на какие-то перемены. Любые. Пусть самые жестокие, но перемены.

Периодически в кормушках появлялась безвкусная питательная паста и вода. Периодически Охрасибы открывали шлюз и зашвыривали в отсек новую порцию «живого корма» — тех самых существ, которых я видел на корабле. И этот цикл повторялся снова и снова: спаривание, рождение, крики, а затем — жадное чавканье моих шестилапых подопечных, которые с первобытным аппетитом доедали всё, что оставалось от их жертв. После трапезы они всегда возвращались ко мне, обнимали лапами и засыпали, признавая во мне доминанта.

Иногда я забирался на спину самого крупного из них, обнимал за шею, и он катал меня по отсеку. Голый мальчишка верхом на огромном шестилапом хищнике — картина, достойная кисти безумного художника.

Надо отдать должное Охрасибам: в отсеке всегда было стерильно чисто. Все экскременты мгновенно утилизировались, происходила дезинфекция. Воздух постоянно фильтровался, запаха не было. Я даже вредничал и экспериментировал, писая прямо на стены. Их мгновенно обрабатывали раствором и высушивали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.